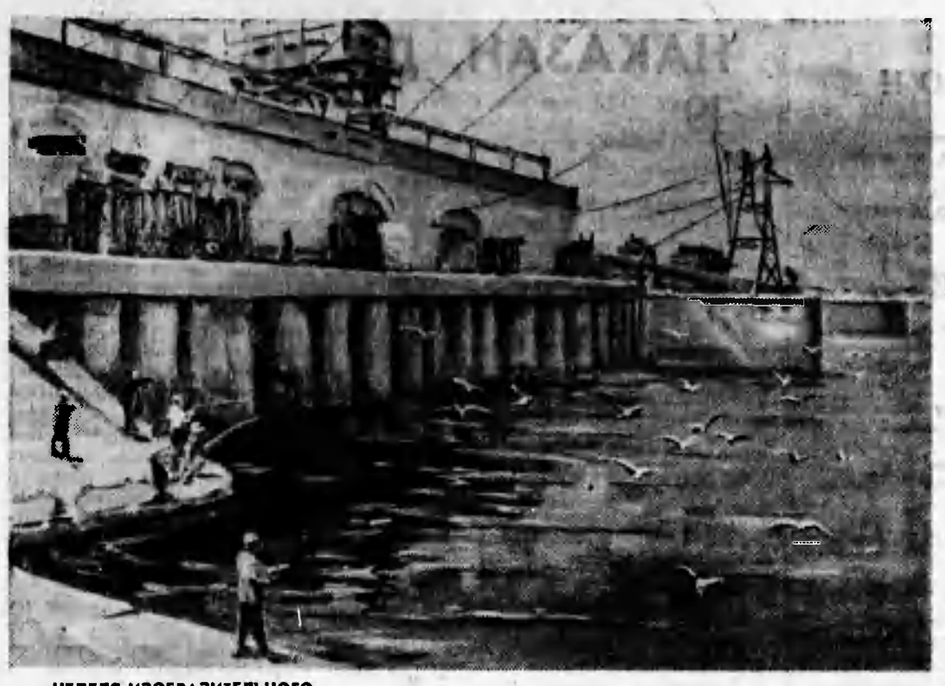
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 72 (4038)
Вторник,
9
июня
1959 г.

Цена 40 коп.



НЕДЕЛЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Художник А. Плотнов — «Здание Горьковской ГЭС»

Праздник искусства

ЖИВЫМ воплощением крылатых ленинских слов о том, что искусство принадлежит народу, служит Неделя изобразительного искусства, начавшаяся в минувшую субботу. Свыше пяти тысяч живописцев, графиков, скульпторов, мастеров прикладного искусства, объединяемых Союзом художников Российской Федерации, выносят на суд народа созданные ими произведения, встречаются с трудящимися в выставочных залах и в своих мастерских, на предприятиях и в колхозах.

Десятки тысяч людей уже осмотрели выставку работ молодых художников Москвы в Центральном парке культуры и отдыха, выставку агитплакатов, многочисленные персональные выставки.

Заводской «Третьяковкой» успели окрестить москвичи картинную галерею, открывшуюся в субботу в клубе завода имени Владимира Ильича. В экспозиции, составленной из подарков московских художников, около 90 произведений, многие из них посвящены В. И. Ленину.

Примерно шестьдесят художников столицы, начиная от старейшины советского изобразительного искусства, выдающегося скульптора С. Коненкова, широко распахнули двери своих мастерских для посетителей. Группа молодых московских работниц, побывавшая в мастерской А. Плотнова, с интересом рассматривала его новую работу.

— Название «Авроровцы» пока условно, — говорил живописец. — Как видите, я задумал показать на этом полотне тот исторический рассвет, который занялся над нашей страной в октябре 1917 года. Готовлю картину к выставке «Советская Россия».

Посетители увидели портреты Горького, Тимирязева, Мичурина, Чайковского, пейзаж «Здание Горьковской ГЭС».

— Эти работы, — пояснял художник, — предназначены для колхозной картинной галереи. Она откроется 21 июня в сельскохозяйственной артели имени Тимирязева, Горьковской области.

Непринужденные, дружеские встречи с художниками, горячие обсуждения их творчества происходят также в Ленинграде, Горьком, Свердловске, Куйбышеве, Ростове-на-Дону, Иванове, Саратове, Новосибирске, Казани и других городах, демонстрируя непрерывно крепнущие, живые связи нашего искусства с жизнью народа.

Год от года крепнуть нашей дружбе

ВТОРОЙ день наше столица чествует дорогих гостей — партийно-правительственную делегацию Германской Демократической Республики.

Второй день к этому бесспорно крупнейшему событию в международной жизни приковано внимание мировой общественности. Это и понятно. ГДР сегодня — не просто первое в многовековой истории Германии государство рабочих и крестьян, повернувшее страну лицом к грядущему. Германская Демократическая Республика — оплот миролюбивых сил, надежда всего немецкого народа.

Провидя будущее, Генрих Гейне писал, что наступит время, когда народы не позволят больше «наемным писакам аристократии разжигать войну и раздоры», когда осуществится великое единение народов и не нужны будут больше армии, а «мечи мы перекуем в плуги и впряжем в них боевых коней и добьемся мира, благосостояния и свободы».

Так писал поэт. Миллионы немцев на значительной части своей территории живут, трудятся во имя того, чтобы по всей Германии перековать мечи, чтобы осуществилось единство всего немецкого народа. Но уже и сейчас трудящиеся ГДР по праву гордятся тем, что их республика стала частью социалистического единения народов, осененного общностью целей и ленинских идей пролетарского интернационализма.

Соотечественники К. Маркса и Ф. Энгельса, претворяющие в жизнь дело великих учителей, с оптимизмом смотрят в будущее. На своей земле они с логической закономерностью, наглядно и убедительно доказывают превосходство социалистического общественного строя ГДР над милитаристской системой Западной Германии.

Каждый прожитый год подтверждает слова современного немецкого поэта Эриха Вайнерта, который писал:

Слышу новое в мотивах,
полных силы и дерзаний,
на заводах, и на нивах
и на стройках новых зданий.

Дрезден и Галле, Магдебург, Лейпциг, демократический сектор Берлина, десятки городов республики поднимаются из развалин, становятся цветущими центрами промышленности и культуры. Во имя мира, во имя простого человека строится новая Германия. Во имя мира, для блага человека дают металл домны Бранденбурга, сходят со стапелей суда в Ростоке, добывается уголь в Зедлице... «Наряду с ростом производства и разумным размещением производительных сил, — признает на страницах французской газеты «Комба» Жан-Пьер Ларош, — руководители ГДР не забывают о воспитании и перевоспитании масс. В горах, на морском побережье, на берегах озер появляются новые отели, на окраинах городов сооружаются крупные стадионы, в небольших городах открываются театры, а в селах — дома культуры и кинотеатры».

И все это во имя мира, во имя простого человека. Автор приводит слова из немецкой рабочей газеты: «Если вы хотите больше мяса, молока и овощей, нужно больше производить сельскохозяйственных машин для крестьян». Так лозунг «пушки вместо масла», пишет Ларош, заменен в новой Германии лозунгом, характеризующим мирную направленность ее развития.

Германская Демократическая Республика вступила ныне в такой период, когда, уверенная в своей победе, она бросает Западной Германии вызов на мирное соревнование. К 1961 году по потреблению на душу населения ГДР должна догнать, а по некоторым показателям превзойти Западную Германию — такую задачу выдвинула Социалистическая единая партия Германии.

Новая Германия противостоит той Германии, где «наемные писаки аристократии разжигают войну и раздоры», где мораль, философия, эстетика используются правящими кругами во имя милитаризма, где не только не думают о том, чтобы перековать мечи в орала, а, наоборот, денно и нощно куют новый меч реваншизма. Народы не раз были свидетелями того, как протянутая из ГДР рука с пальмовой ветвью мира отстранялась Аденауэром и присными...

Приезд дорогих посланцев ГДР приветствует весь советский народ. Мы верим, что этот визит послужит дальнейшему укреплению советско-германской дружбы, укреплению единства и сплоченности всех народов социалистического лагеря.

Н. БАБИН

Навстречу Пленуму ЦК КПСС

ОБНОВЛЕНИЕ

Павел ПОДЛЯШУК,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

НОВОСЕЛЬЕ СТАНКА. Происходит это так. Ткацкий станок, что долгие годы стоял вот здесь, в цехе, рядом с такими же, как он, работягами-собратьями, уезжает на поправку... Верней, его увозят. Ставят на колеса, остроумно смонтированные с домкратами, — три колеса, три домкрата. Подъезжает электрокар, берет станок на буксир, и маленький поезд (тележка с прицепом) отправляется в путь по длинным и широким переходам просторного цеха. Поехали!..

Станок едет на ремонтный стенд, и путешествие это никого на Ивановском меланжевом комбинате не удивляет.

Прошло несколько минут. Уборщица подмела площадку, освобожденную уехавшим постояльцем, — и в коридоре между станками вновь показался электрокар. На прицепе — ткацкий станок. Тот, который уехал? Нет, конечно. Другой, побывавший на «курорте», отремонтированный. С иголочки.

И так же быстро, сноровисто, как увозили его уставшего предшественника, на освободившемся месте установили вернувшегося. Приехал он, уже заправленный той же пряжей, которую ткал его предшественник. Сейчас же дежурный электрик присоединяет новичка к сети; помощник мастера бегло его осматривает и пожимает руку бригадиру ремонтников: — Порядок!

Правда, прежде чем подписать акт приемки отремонтированного станка, ему дают «испытательный стаж» — девять смен. Но ремонтники и сегодня уверены в качестве своей работы.

Вот стоит здесь, рядом со мной, Александр Федосеев, бригадир ремонтников. Стоит, постукивает ключом по металлическим частям станка, оглядывает дело рук своих. «Модернизированный», — читает он вслух надпись на станке. В неумолчном шуме цеха я улавливаю это длинное слово по движению губ Федосеева. А тем временем ткацкие челноки снова начали беспрерывный веселый бег — станок вступил в строй.

Меньше получаса заняла вся операция — отъезд и приезд, установка и передвижка, отключение и включение. А пока бригадир руководил перевозкой, бригада его — шестеро — принялась лечить тот станок, который только что приехал на ремонтный стенд.

НЕОБХОДИМОЕ СЛОВО. В многотысячном коллективе комбината, да и на других текстильных фабриках Ивановского экономического района, нет, пожалуй, нынче слова более распространенного и более известного, чем слово «модернизация». И еще в сочетании с прилагательным — «комплексная».

Не знаю, заметили ли вы — пусть слово сложное, чужое, но если оно обозначает дело, кровно необходимое, общественно полезное, то слово это чрезвычайно быстро становится своим, органически входит в народную речь.

Так случилось в Иванове с вычурным словом «модернизация». С технических совещаний и рабочих собраний, с газетных страниц и производственных плакатов пришло оно в гущу людскую.

Что же это такое — комплексная модернизация? Обновление старого, внедрение нового в действующую технику, переделка на новый лад.

Станки производства завода имени Карла Маркса, поступившие на Меланжевый комбинат в дни его пуска, три десятилетия неплохо служили народу. Ткали добротную ткань. Но, естественно, техника не стоит на месте. Конструкторская мысль, искания пытливых рационализаторов, практический опыт производственников подсказывают много полезных новшеств, которыми без особого труда можно оснастить старый станок. Оснастишь, — увеличатся скорости, облегчится труд, сократится брак.

Тут следует сказать, что и прежде оборудование обновлялось: делали это во время ремонта, но без системы, без плана, кустарно. Ныне работа ведется планомерно и комплексно, в этом суть!

Из цехов Меланжевого комбината движение быстро распространилось. Каковы же результаты?

В 1959—1960 годы ивановцы взялись увеличить выпуск на 23 тысячи тонн пряжи и 110 миллионов метров тканей. Колоссальные цифры! Но цифры вполне реальные; в основе лежит строгий расчет, помноженный на рабочую инициативу.

Добавим следующее: чтобы произвести столько пряжи и тканей, потребовалось бы построить три мощные прядильные фабрики, две еще более мощные ткацкие фабрики и одну ситцепечатную. На строительство и оборудование этих новых предприятий пришлось бы затратить свыше трехсот пятидесяти миллионов рублей! А модернизация действующего оборудования обойдется почти втрое дешевле. При этом — выигрыш во времени: четыре или даже пять лет надо было бы ждать, пока новые фабрики дадут продукцию. И еще выигрыш — облегчается труд.

НОВАЯ ВЫСОТА. По-ивановски окая, рассказывала мне Вера Васильевна Горюнова о том, как ширилась на Меланжевом комбинате модернизация. Мы сидели у нее, в конторке ремонтного мастера прядильной фабрики; дверь поминутно хлопала, входили люди, врывался шум цеха, но речь текла неторопливо.

— Поначалу, чего греха таить, не все разобрались, что к чему. Будто наша-то только забота — ремонтников. А на литейно-механическом заводе (свой есть на комбинате) так чуть не в штыки кое-кто встречал. Ясно, им работенки поприбавилось, стали мы их теребить, то одно закажем, то другое, рационализаторская мысль взыграла — у нас ведь народ какой, только простор дай, смекалки не занимать. Вот придешь на завод с эскизиком, а тебе с насмешечкой: «Ах, чай, модернизация идет!»...

Глаза моей собеседницы скрыты очками, но видно — они смеются, когда Вера Васильевна смачно передразнивает кого-то хорошо ей известного. И тут же она становится серьезной:

— Да, этот вопрос первостепенный для нас. Для всех. Теперь-то все поняли, вошли во вкус. Эксплуатационники стали предъявлять к ремонтировщикам новые требования — только поспевай. Этот узел укрепи, этот замени. Очень нравятся работницам пухообдуватели — благодарят. И в литейно-механическом по-другому встречают. Что ж, они ведь тоже люди советские, тоже за хорошее.

Комплексное обновление оборудования поднимает комбинат на новую ступень. Жизнь предъявляет сегодня к людям новые, повышенные требования.

Теперь учатся помощники мастеров — и в ткачестве, и в прядении; учатся ремонтировщики; действуют специальные курсы для прядильщиц, съемщиц, работниц других профессий. Недавно закончила работу областная школа по обмену опытом прядильщиц.

«МОДЕРНИЗАЦИЯ ТРЕБУЕТ ПОРЯДКА». В «Меланжисте», многотиражке комбината, прочитал я вот такое заглавие заметки. Сформулировано точно: действительно, подтягивая одно звено производства, неминуемо тянешь всю цепь.

На виду теперь находятся ремонтировщики. Усилилась роль экспериментаторов, отдела труда, литейно-механического завода, лабораторий, технического снабжения... Прядильные, чесальные машины, ткацкие станки переведены на повышенные скорости — обнажились «узкие места» на подсобных участках.

С горечью говорил на собрании коммунистов комбината работник транспортно-хозяйственного отдела Дегтярев.

— Спрашивается, почему так мало внимания обращают на наш транспортно-хозяйственный отдел? А ведь там есть к чему приложить руки. Скажу к стыду руководителей: мы до сих пор транспортируем грузы на хлопковый склад под «Дубинушку».

Подобные изъяны есть и на других участках огромного комбината. Их нужно устранить. Задача выполнимая.

И она, повторяю, в руках коллектива. Но есть вещи, которые не зависят ни от воли, ни от трудового энтузиазма текстильщиков.

...На ткацкой фабрике Меланжевого комбината мое внимание привлекла большая мотальная машина. Плакат сообщал о результатах проведенной модернизации. Я стал искать марку завода — «отца» машины. Вот металлическая табличка, на ней выбита надпись: «Климовский завод. Выпуск 1958 года».

Оказывается, красавица-машина вышла в свет только в прошлом году, а ее уже приходится модернизировать?! Но ведь то, что естественно и законно в применении к ткацким станкам-ветеранам или заслуженным прядильным машинам «пенсионного возраста», — уродливо и безобразно по отношению к новой технике. Не успели выпустить с завода, а уже приходится обновлять. Как понять это, товарищи климовские конструкторы?

СОЕДИНЕНИЕ ОПЫТА. Владимир Васильевич Городов, начальник прядильного цеха, раскрыл мне еще одну сторону модернизации. Речь идет о соединении опыта.

В наряд-задании, которое дается ремонтировщикам, есть несколько разделов. Модернизация машины и механизация производственных процессов. Предложения рационализаторов и изобретателей. Применение научно-исследовательских работ. Улучшение оградительной техники и условий труда...

Отличная штука — такое задание. Все в нем, как на ладошке. Что делать, как. Чье предложение, чей опыт.

Но как происходит собирание опыта? На мой вопрос Городов отвечает:

— Предложения рационализаторов теперь, как правило, не залеживаются. Придумал полезное — давай поскорее проверим, апробируем на одной машине. Идет, получается? Значит, после соответствующей экспертизы включаем в план модернизации. Стараемся брать отовсюду. Не ладилась у нас одна машина с ташкентского завода. Поехали в Шую, знали, что и там получены такие машины. Нет ли, дескать, новенького чего. Представьте, есть. Придумали там одну пружинку, очень удачную. Цапнули мы образец (конечно, с разрешения). А теперь эта штучка значится уже в наряд-задании ремонтировщику.

Знаете понятие: «родственные предприятия»? Раньше, по правде говоря, обмена опытом настоящего, быстрого не было. А нынче сблизились — и с Шуей, и с Родниками, и с Владимиром, и с Москвой. Семилетка породнила.

* * *

С той поры, как ивановские меланжисты всерьез взялись за комплексную модернизацию оборудования, на комбинате побывало около пятисот делегаций. Ходоки за передовым опытом.

А ныне, накануне июньского Пленума ЦК КПСС, ивановцы снаряжают делегатов во Владимир — учиться тому, как с меньшими затратами и быстрее реконструировать действующие предприятия.

Сосед учится у соседа. Товарищи по оружию вместе идут в наступление. И в сибирской тайге, и здесь — в сердце России, в текстильном крае.

Это и есть семилетка в действии.

ИВАНОВО

Всегда на страже

НА этой небольшой выставке трех военных художников, открывшейся в залах ЦДСА, можно увидеть многое...

В золотых лучах утреннего солнца, подернутый пепельной дымкой, встает легендарный Севастополь.

Советские военные корабли совершили поход вокруг Европы из Севастополя в Ленинград. Художники Виктор Бибиков и Петр Мальцев запечатлели в своих миниатюрах этот поход.

Берега Босфора, Дарданеллы. Густая, в солнечном серебре, синева Средиземного моря. В фиолетовой дали, будто приподнятые на воздух, возникают острова Греции.

— Те самые острова, — замечает мой спутник, моряк-офицер, — где американцы собираются строить свои ракетные базы. Вот что кроется за этой нежной красотой...

И выставка приобретает иной, более значительный смысл.

Здесь представлены и большие живописные полотна: «Крейсер «Варяг» и «Штурм Сапун-горы» художника Мальцева.

Третий участник выставки — молодой скульптор Г. Постников. Он выставил портреты В. И. Ленина, М. И. Калинина, прославленного русского флотоводца П. С. Нахимова.

Теме мира и счастья скульптор посвятил свою новую работу «Радость жизни».

Иван РАХИЛЛО

В ПИСАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

ТВОРЧЕСТВО — НА ПЕРВЫЙ ПЛАН

ДОКЛАДЫВАЯ собранию ленинградских литераторов об итогах Третьего съезда писателей СССР, Д. Гранин отметил ту теплоту и в то же время требовательность к людям искусства, которые прозвучали в приветствии Центрального Комитета партии, в выступлении Н. С. Хрущева, рассказал о творческих проблемах, которые привлекли внимание съезда.

— Мы обязаны, — сказал Д. Гранин, — особенно серьезно заняться воспитанием литературной молодежи. У нас многие слишком рано начинают чувствовать себя профессиональными литераторами, отрываются от своей среды.

Внимание выступавших привлекли мысли, высказанные Н. С. Хрущевым о литературной критике. Д. Молдавский, И. Эвентов и другие приводят факты, свидетельствующие о недооценке критики. Ленинградские издательства, в частности отделение «Советского писателя», не любят, боятся книг на литературно-критические темы.

Необходимости более тесного сотрудничества критиков и литературоведов посвятил свое выступление В. Назаренко. Он считает, что было бы целесообразным сделать журнал «Русская литература» органом не только Пушкинского дома, но и Ленинградского отделения Союза писателей.

Докладчик и выступавшие в прениях говорили о необходимости перестройки всей работы отделения Союза писателей. Пусть будет меньше официальных собраний и заседаний, пусть на первый план выдвинутся творческая работа, обсуждение новых книг, новых рукописей. Об очерке и публицистической статье как боевом оружии писателя говорил В. Дягилев.

Следует, однако, отметить, что обсуждение итогов съезда могло быть более широким. Нельзя не выразить сожаления, что никто из делегатов съезда, кроме докладчика, не поднялся на трибуну собрания.

В принятой резолюции ленинградские писатели единодушно заявили о своей готовности приложить все силы для дальнейшего развития советской литературы.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.)

ТЕПЛОМ СЕРДЦА СВОЕГО...

КАЗАЛОСЬ, творческий накал, царивший на Третьем съезде писателей СССР, перенесся сюда, в небольшой клубный зал белорусских литераторов. На открытом партийном собрании обсуждались итоги съезда. И кто бы ни поднимался на трибуну — докладчик, секретарь партийной организации Иван Громович, выступающие в прениях литераторы, — все прежде всего говорили о своей глубокой благодарности партии за заботу, о душевной теплоте, сердечности выступления Н. С. Хрущева, о желании писать лучше, образнее, писать, по выражению Пимена Панченко, «теплом сердца своего». Забота партии не только радует, но и обязывает. Да, белорусской литературе есть чем гордиться, но время великих свершений требует великих — по мысли и мастерству — полотен.

— У нас нет таких, кому не нужно было бы совершенствовать свое мастерство, — отмечает Петрусь Бровка. — Конечно, борьба за мастерство не самоцель. Речь идет о слиянии большой идеи с большим мастерством.

К товарищеской, но прямой и требовательной критике призывал друзей по перу Янка Брыль. О работе с молодыми писателями, о повышении требовательности к ним говорил Пимен Панченко:

— Мы приняли в союз 130 молодых писателей. Но появилось ли у нас 130 книг, которые полюбились бы народу?!

На собрании выступили также критик Д. Политыко, Т. Хадкевич, секретарь горкома партии А. Рудак.

МИНСК. (Наш корр.)

СПРАВЕДЛИВЫЕ ПРЕТЕНЗИИ

НА СОВЕЩАНИИ В РЕДАКЦИИ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

ЕСЛИ бы нашелся полиглот, желающий лично познакомиться с литературами народов нашей страны, то ему пришлось бы изучить много десятков языков. Можно сказать без преувеличения, что советская литература — это огромная, почти необъятная область нашей духовной жизни. И писать о ней, писать хотя бы информационно, — явно не по силам не только одному журналисту, но подчас и целому редакционному коллективу. Здесь нужна общая, целеустремленная работа в тесном контакте со всеми литераторами, со всеми литературными организациями республик.

Теме более широкого и более глубокого освещения вопросов многонациональной советской литературы и была посвящена встреча редколлегии «Литературной газеты» с большой группой литераторов из республик.

— На что обращать главное внимание в литературных процессах?

— Как писать о литературных явлениях, чтобы сделать их достоянием всесоюзного читателя?

— Как лучше укрепить связи с местными литераторами?

Эти и другие вопросы явились темой дружеского разговора.

Наши гости предъявили много серьезных и справедливых претензий «Литературной газете». Отмечалось измельчание критической мысли за последнее время (украинский критик Л. Новиченко), говорилось о том, что в газете замечается какая-то боязнь острых споров и обсуждений, хотя без этого нельзя двигаться вперед (грузинский поэт С. Чиковани). Был высказан упрек в том, что «Литературная газета» не стремится вмешиваться во внутренние дела писательских организаций, где иногда возникают серьезные творческие дискуссии (казахский поэт А. Тажибаев).

Ораторы не ограничивались сетованиями. Их советы и предложения были конкретными, в них чувствовалась большая заинтересованность в работе писательской газеты.

Все подчеркивали, что нужно общими усилиями — и редакции, и писателей — сделать газету подлинно всесоюзной трибуной многонациональной советской литературы (грузинский критик Б. Жгенти, эстонский — Л. Реммельгас, азербайджанский писатель Мехти Гусейн).

Мирзо Турсун-заде (Таджикистан) сказал: «На съездах подчеркивалось, что сейчас нет... изолированных литератур. Вот эта литература, мол, только для грузинского читателя, эта — для таджикского, эта — для казахского... Мы создаем единую литературу. Так давайте же усвоим эту истину и будем держаться ее и в теории, и в практике».

Газета не станет всесоюзной трибуной, если будет гнаться за процентно-формальным освещением национальных литератур, заметил Г. Борян (Армения). Принцип — «сказать пусть мало, пусть плохо, но обо всех братских писателях что-нибудь сказать», — следует отбросить. Газета должна выступать проблемно, остро, интересно (аварский поэт Р. Гамзатов).

Выступавшие советовали «Литературной газете» искать и пропагандировать новые формы деловой дружбы братских литератур. Обсуждая этот вопрос, участники совещания остановились, в частности, на некоторых теневых сторонах декад (спешка в период подготовки, не всегда хорошее качество переводов, подчас «лицеприятная» критика и т. п.). Надо устраивать широко представительные творческие межреспубликанские совещания. Об одном из них рассказал Х. Гулям (Узбекистан). В Ташкенте готовится большое совещание по вопросам традиций и новаторства советской литературы. Успеху этого, как и других подобных совещаний, может и должна способствовать «Литературная газета».

Газете необходимо, советовали наши гости, продолжить обсуждение вопросов, затронутых съездом, в частности дискуссию по вопросам перевода и языка; больше отводить места рассказам, стихам, поэмам; знакомить читателей не только с национальными литературами, но и с жизнью республик; давать содержательную информацию о литературных буднях республик и зарубежных стран; печатать статьи о влиянии советской литературы на прогрессивных зарубежных писателей (эту тему интересно развивал армянский писатель Р. Кочар, рассказавший о прогрессивных зарубежных армянских писателях).

Наши гости критиковали не только газету. Они критиковали и себя. Говорилось, например, о том, что писатели не всегда откликаются на запросы редакции, иногда писатели бывают чересчур снисходительными к качеству статей, посылаемых в газету. Один из товарищей шутливо заметил, что порою под освещением той или иной литературы некоторые писатели понимают освещение собственной творческой работы. Наши гости дружно поддержали предложение Б. Жгенти о необходимости увеличить объем «Литературной газеты».

Единодушное мнение гостей можно выразить коротко так:

— Работать сообща, работать дружно.

РУКОПИСИ 400 ЛЕТ

ЭТОЙ рукописи более четырех столетий. Сколько рук листали ее пожелтевшие, исписанные каллиграфическим почерком страницы! То были бережные руки, и книга в добротном кожаном переплете выглядит намного моложе своих лет.

Книгу принес в Республиканский рукописный фонд научный работник, в семье которого она хранилась долгие годы. На последней странице — запись одного из прежних владельцев этого тома, она переносит нас почти на сто лет назад. В 1864 году житель местечка Сальяны (ныне районный центр Азербайджана) Фатали приобрел за огромную цену рукопись у странствующего дервиша, сам дервиш отдал за нее коня...

Что ж за произведение, которое так высоко ценилось в Азербайджане? Это бессмертные творения Саади «Бустан» и «Гулестан». Поэму «Бустан» переписчик называет «Саадинамэ», а ее автора не Муслихиддином, как считалось до сих пор, а Мушрифом ибн Муслихиддином Саади. Текст рукописи значительно отличается от других известных списков. Возможно, это копия с оригинала, — об этом говорит переписчик Абдул Азиз. Специалисты тщательно изучают интересную находку.

БАКУ. (Наш корр.)

Продолжаем публикацию рисунков, в которых художники-карикатуристы высказывают свое отношение к вопросам, обсуждаемым на Женевском совещании.

ОКАМЕНЕЛОСТЬ...

Аденауэр мечтает о «твердокаменной» позиции трех западных держав...

Рисунок М. АБРАМОВА

НЕДЕЛЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

V выставка молодых художников Москвы.

В. Кузьмин — «Портрет В. Корнеева — члена бригады коммунистического труда».

СТИХИ О МИРЕ

Поет Поль Робсон

Михаил СКОРОХОДОВ

Могучий голос,
такой могучий голос,
в сколько в нам печали и тоски...
Я вижу берег,
далекий вижу берег
и пальмы, и саванны, и пески.

Волна Замбези,
звенит волна Замбези,
прощай навек, родная мать-земля.
Крепчает ветер,
крепчает в море ветер,
темно и душно в трюме корабля.

И плачут дети,
тихонько плачут дети,
не утихают стоны матерей.
Прощай, свобода,
навек прощай, свобода,
не высвободить руки из цепей!

Разбито племя,
в бою разбито племя,
еще дымятся хижины вдали.
Увозят негров,
куда увозят негров
огромные чужие корабли!..

Покрыты пеплом,
покрыты белым пеплом
сердца в груди закованных рабов.
Не видят дети,
и не увидят дети
прекрасную страну, страну отцов.

Родные пальмы,
родные снятся пальмы
и берег, и саванны, и пески,
зовет Замбези,
зовет волна Замбези,
родные дали, как вы далеки!

Четыре века,
подряд четыре века
под знойным небом трудятся рабы,
и свищут плети,
тугие свищут плети,
Куда уйти от тягостной судьбы!

Законы Линча,
черны законы Линча,
черны у белых мысли и дела,
и плачут дети,
и снова плачут дети,
и псы терзают черные тела.

Вся жизнь в неволе,
проходит жизнь в неволе,
ни племени, ни дома, ни земли,
и только песни,
остались только песни,
рабы их, как святыню, берегли.

Звучит над миром,
звучит над целым миром
могучий голос гнева и борьбы,
оружье в руки,
берут оружье в руки
и поднимают головы рабы.

Раскаты слышу,
раскаты грома слышу —
узнал я голос друга моего...
Поэт Поль Робсон,
певец свободы Робсон,
и счастлив я, что слышу вновь его.

Владимир СОЛОУХИН

ОЧАГ

безнадежно испорчено слово «очаг».
Эти плоские камни в убогом жилище,
Где огонь в непогожие ночи не чах,
Чтоб согрелась семья и поджарилась пища.

Добрый, теплый огонь.
Он в гнезде из камней
Прожил тысячи лет — огнеперая птица.
Был округлым очаг,
Чтобы людям тесней
Вкруг огня в непогожую ночь разместиться.

Но не только огонь и не камни—очаг.
Есть на свете семья, и в теченье столетий
Тосковал мореходец о добрых очах,
Об объятьях жены и о маленьких детях.

Тосковал мореходец,
Рыбак,
Зверопов,
Все мечтал поскорее домой воротиться.
Он вернется домой, и устал и суров,
И забьется в камнях огнеперая птица.

...«Очаги ТБЦ», — говорят доктора,
Над больным распрямляя усталые спины.
Захворал у соседей ребенок вчера,
И назвали его очагом скарлатины.

Смысл великий у этого слова зачах.
Очаги радиации есть в океане.
На Тайване — очаг,
И в Берлине — очаг,
И недавно очаг погасили в Ливане!

На таком очаге не сготовишь еды,
На ночлеге степном он тебе не приснится.
Там расправила черные крылья беды
И готова взлететь смертоносная птица.

Летуны разлетались в ненастных ночах.
Спит дочурка моя, одеяльцем укрыта...
Как жестоко испорчено слово «очаг».
Теплота,
Доброта очаге позабыта!

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

НАКАЗАН, ДА НЕ ТОТ...

19 ФЕВРАЛЯ этого года в «Литературной газете» было опубликовано письмо группы писателей и деятелей сельского хозяйства Закарпатья, которые выступили в защиту начальника областного управления лесного хозяйства П. М. Прокопенко, много сделавшего для сохранения леса на Карпатских горах.

Министр сельского хозяйства УССР тов. Спивак сообщил «Литературной газете», что П. М. Прокопенко на работе восстановлен, а виновники понесли наказание. Однако надо заметить, что главный виновник — председатель Закарпатского облисполкома И. Г. Гарагонич — остался безнаказанным, поскольку он министру не подведомствен.

23 февраля облисполком отменил свое незаконное решение о снятии П. М. Прокопенко, а 6 марта вынес новое постановление: ходатайствовать о снятии П. М. Прокопенко с работы.

Итак, без вины пострадавшего человека оправдали, восстановили в прежней должности — и все это только для того, чтобы через две недели снова облить грязью...

За что же на этот раз сняли П. М. Прокопенко? За безнарядный отпуск древесины. Это надо было подтвердить. Тогда для доказательства «вины» Прокопенко были срочно созданы проверочные комиссии.

Заместители начальника областного управления сельского хозяйства тов. Андриянов и тов. Глущенко разослали письма, адресованные прокурорам других областей и городов. Они писали, что Прокопенко снят с работы будто бы за незаконную отгрузку леса, и просили привлечь к ответственности его «соучастников».

Люди, которым были направлены эти письма, очевидно, потратили немало времени, проверяя факты. Как и следовало ожидать, все обвинения оказались дутыми. «Каким образом представителям облуправления сельского хозяйства удалось установить все, что изложено в письме,— непонятно», — не без иронии писал прокурор города Жданова Сталинской области советник юстиции тов. Лукьянов.

Дело дошло до прямого подлога. В Раховском лесхозе одна из проверочных комиссий, при участии работника облуправления тов. Гайчени, пыталась выкрасть подшитые в деле документы, которые свидетельствовали в пользу Прокопенко, и была поймана с поличным...

В чем обвиняется Прокопенко?

В Карпатских лесах на малодоступных горных склонах скопляется много древесины, непригодной к переработке или трудно поддающейся вывозке. Потребители, располагающие нарядами на карпатский лес, от такой древесины отказываются. Лес лежит, портится, создается питательная среда для опасного лесного вредителя — короеда. Как же быть? Оставить эту древесину на месте или отдать ее окружающим колхозам, предприятиям, санаториям, индивидуальным застройщикам, испытывающим острую нужду в лесоматериалах?

И сам тов. Гарагонич, и заместитель начальника главного управления лесного хозяйства Украины тов. Лукьянец не раз совершенно правильно указывали Прокопенко, что необходимо реализовать эту древесину. Закарпатское управление лесного хозяйства так и поступало. Разумеется, лес отпускали только по просьбе райисполкома, правления колхоза или руководителя предприятия.

И вот теперь, искажая факты, И. Г. Гарагонич объявляет это преступлением П. М. Прокопенко. Для чего он это делает? Только для того, чтобы любой ценой доказать свою непогрешимость, отстоять право делать все, что ему заблагорассудится, не допустить вмешательства в свои дела.

Скверную роль играл и играет в этом некрасивом деле председатель Закарпатского облисполкома. Да разве только в этом? Внимательно присматриваясь к деятельности И. Г. Гарагонича, убеждаешься, что у него действительно есть основания бояться вмешательства, контроля со стороны общественности.

Вот несколько примеров, которые говорят сами за себя.

И. Г. Гарагонич решил провести лето в расположенном недалеко от Ужгорода санатории «Карпаты». Отдельной комнаты ему показалось мало. Он приказал срочно отстроить в парке санатория «персональный терем» со всеми удобствами.

Однако уютный деревянный домик, спрятанный в густой зелени старого парка, был, как вскоре выяснилось, лишь временным местом отдыха председателя. В урочище Сырой Поток начали строить каменную двухэтажную виллу с гаражом на две автомашины, с газовой кухней, с паровым отоплением. Ныне вилла уже готова. Она расположена в живописном месте, на берегу горной реки, в ущелье, на склонах которого проложены аллеи и построены беседки. Возле виллы сделаны искусственные бассейны, туда по распоряжению И. Г. Гарагонича выпущена маточная ручьевая форель из заповедников в таком количестве, что это сказалось на состоянии рыбного хозяйства Закарпатья. На склонах ущелья приказано высадить многолетние ели, под которые надо долбить котлованы в скале (хотя в ущелье растет густой буковый лес).

Разумеется, строительство виллы и других сооружений, окружающих ее, проводится за счет статей областного бюджета, не имеющих никакого отношения к жилому строительству.

Можно было бы привести и другие факты неблаговидного поведения И. Г. Гарагонича, действующего по принципу: «что хочу, то и делаю», «так мне хочется».

Ленин в свое время предупреждал хозяйственников: «Поменьше приёмов Тит Титыча («я могу утвердить, могу не утвердить»)». А разве попытка вторично уволить П. М. Прокопенко без всяких оснований не напоминает о «приемах Тит Титыча»?

Очень жаль, что нам приходится вновь возвращаться к этому неприятному разговору и еще раз требовать, чтобы с самодурством было покончено!

М. ТЕВЕЛЕВ, писатель,
П. МОЛОТКОВ, кандидат сельскохозяйственных наук,
С. ЖУРАВЛЕВ, журналист,
Вл. ПАВЛОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты».

С кем хочет остаться ребенок?

МАЛЕНЬКОЙ Тане Власовой жилось нелегко. Ей было только семь лет, но вокруг нее уже бушевали бури семейных скандалов. Родители разошлись, и каждый из них по-своему боролся за дочку. Таня то и дело попадала из огня да в полымя: то на нее обрушивался поток подарков, то ее без причины бранили, то кто-нибудь из родителей изливал перед ней душу, забыв о возрасте девочки.

Потому ли, что отец проявлял во время этих перепалок больше сдержанности и больше внимания к дочери, или по другой причине, но ему удалось завоевать ее любовь и привязанность. Поэтому Таня, насильно оторванная матери, убежала от нее и, при помощи чужих людей, добралась до дома, где жил отец. Горько плача, умоляла она отца и соседей не отправлять ее к маме.

— Я люблю папу! — повторяла она сквозь слезы.

Несмотря на то, что Тане Власовой было только семь лет и по существующему положению судьи могли бы и не считаться с ее желанием, народный суд 7-го участка Краснопресненского района г. Москвы разобрался в этом деле и вернул девочку отцу. При этом в частном определении он обратил внимание на неправильные действия инспектора Краснопресненского района тов. Жуковой, проявившей излишнее рвение и недозволенную резкость при «изъятии» девочки у отца. Хороший вывод сделан в этом определении: «Суд считает, что выполнению служебных обязанностей должно прежде всего сочетаться с человеческим и чутким отношением к ребенку».

К сожалению, далеко не всегда проявляется это вот человеческое и чуткое отношение к детям при разборе дел, связанных с разводами.

Я хочу рассказать об одной детской трагедии, у которой пока еще нет конца.

Сашу Белана, как и Таню Власову, в раннем детстве постигла беда. Родители его разошлись, когда ему было семь месяцев. У матери появилась новая семья, а Саша остался с отцом. Мальчик вырос, стал школьником, он неплохо учился и при этом занимался музыкой. С матерью Саша не был даже знаком. Она жила в Хабаровске и изредка посылала сыну поздравительные открытки.

И вдруг, когда Саше было уже около десяти лет, в Москве появилась незнакомая тетя, оказавшаяся его мамой, и предъявила на Сашу свои права.

Участь Саши была решена: народный суд 1-го участка Москворецкого района под председательством судьи Сидоровой «присудил» Сашу матери.

Судья не посчиталась при этом ни с заявлением мальчика о том, что он не хочет расставаться с отцом, ни с тем, что маму свою он увидел впервые, а с отцом прожил десять лет.

Я не могу утверждать, что в доме отца сложилась для Саши нормальная обстановка. Отец Саши женился второй раз, но и этот брак не был удачным. Начались семейные баталии, развод... А затем Шарова — вторая жена Белана — предъявила свои права на жилую площадь. По утверждению свидетелей, Шарова была заинтересована в том, чтобы Саша, как претендент на эту же площадь, был удален. И поэтому именно ей приписывают инициативу возбуждения судебного дела о передаче мальчика матери. Так это или нет, но в жизнь Саши вплетались личные планы и интересы взрослых людей, мало церемонившихся с ребенком.

Надо полагать, что судья Сидорова с самыми лучшими намерениями разлучила Сашу с отцом и отдала его матери. Мать, мол, учительница. У нее — новый муж и дочка, то есть «нормальная семья». А потом — «стерпится—слюбится»! Саша привыкнет к этим пока чужим для него людям.

Но эти надежды не оправдались. Прожив год в Хабаровске, Саша Белан убежал к отцу. Так же, как Тане Власовой, ему помогли добраться до Москвы чужие люди. Но не легкий это был путь для одиннадцатилетнего мальчика.

В письмах из Хабаровска и в своих рассказах Саша жаловался, что мать его обижала, даже била, бранила при нем его отца, заставляла звать «папой» чужого человека — своего второго мужа.

Нам трудно проверить, как жилось Саше в Хабаровске. Может быть, его мать искренне старалась поступать наилучшим для Саши образом, а он предвзято относился к ней. Но ясно одно: за год совместной жизни ей не удалось привязать к себе сына и победить его долголетнюю привязанность к отцу.

Велика сила матери. Права матери священны. Однако бывают в жизни случаи, когда недостаточно быть матерью, чтобы после долгой разлуки привязать к себе сердце сына.

И вот Саша снова в Москве. Мальчику теперь одиннадцать лет. Юридически он имеет право голоса в решении собственной судьбы. Но постановление суда пока не отменено, и мальчик находится под постоянным страхом отправки его в Хабаровск.

Отец Саши Н. П. Белан ввиду новых обстоятельств — писем сына и его побега — хлопочет о пересмотре дела. И дело, действительно, если подойти к нему по-человечески, должно быть пересмотрено.

Мне хочется напомнить работникам прокуратуры и отделов народного образования, что самыми незащищенными при рассмотрении дел о разводах бывают дети. Какую огромную чуткость и внимание надо проявить при решении судьбы ребенка! Как страшно нанести ему в ранние годы жизни непоправимую обиду! А приходится сталкиваться с другим отношением. Недавно по поводу Саши Белана один из работников Москворецкого РОНО раздраженно воскликнул: — Что за ажиотаж по поводу какого-то мальчишки! У нас таких дел миллион! Мы таких беглецов мигом возвращаем по принадлежности или отдаем в детские дома.

Что сказать на это? Если ребенку так не повезло в жизни, что ни у одного из родителей нельзя обеспечить ему правильного воспитания, можно и должно устроить его в детский коллектив, под наблюдение опытных педагогов. Но детей, имеющих родителей, лучше определять не в детский дом, а в интернат, так как семья, даже не очень благополучная, все же дорога ребенку! Я считаю, что это применимо, в частности, к Саше Белану. Разве не ясно, что в наибольшей чуткости, теплоте и внимании нуждаются именно те дети, которые, не будучи ни в чем виноваты, столкнулись с семейными драмами взрослых, драмами, калечащими детскую жизнь? Кто бы ни растил ребенка до момента судебного разбирательства — один из родителей, бабушка, дедушка или даже чужие люди, — с любовью к ним ребенка нельзя не считаться! Существует не только право кровного родства, но и право сердечной привязанности.

Никита Сергеевич Хрущев в своей речи на Третьем съезде писателей говорил о вреде выхватывания людей из той среды, к которой они привыкли.

«Например, когда вы пересаживаете плодовое дерево и вырываете из земли основные корни, то нужно 2—3 года, пока вырастут новые разветвленные корни и дерево снова зацветет. Так бывает и с человеком, когда его выхватывают из привычной среды. Он может со временем укорениться, встать на ноги, но может и засохнуть».

Никита Сергеевич говорил это по другому поводу, касаясь судеб молодых литераторов, но это его высказывание можно полностью отнести к насильственной передаче ребенка в новую, чуждую для него обстановку. Только в случае крайней необходимости, да и то очень осторожно, можно применять такую операцию.

Государственное законодательство призывает всех работников юстиции решать дела такого рода *исключительно в интересах ребенка*. Об этом напоминает постановление пленума Верховного суда СССР. Там говорится:

«При разрешении вопроса о детях суд должен исходить прежде всего из интересов детей, учитывая при этом пожелания супругов, условия жизни каждого из них, а также возраст детей и их личную привязанность к тому или иному родителю».

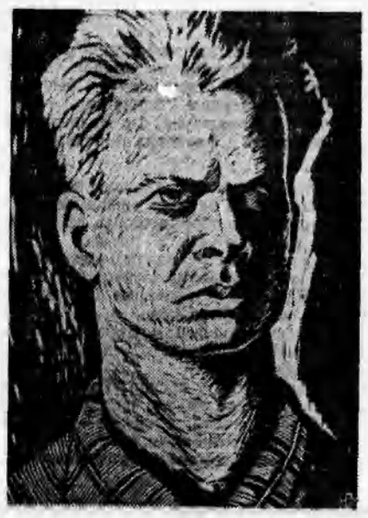
ВСЕ СОВЕТСКИЕ законы создаются для спокойствия и счастья людей. Все они рассчитаны на то, что применять их будут умные, добрые и человечные судебные работники. Особенно же осторожно и вдумчиво надо применять судебные постановления, относящиеся к детям.

В числе многих прав, данных ребенку нашей страной, есть одно неоспоримое право — право на бережное, чуткое отношение окружающих к его интересам, запросам и привязанностям.

О. ВЫСОТСКАЯ

НЕДЕЛЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

V выставка молодых художников Москвы.



Художник Ю. Могилевский — «А. Довженко» и «В. Маяковский».

КОНКУРС ЖУРНАЛА «НА БОЕВОМ ПОСТУ»

ОБЪЯВЛЕННЫЙ редакцией журнала «На боевом посту» открытый конкурс на лучшую повесть, пьесу, киносценарий, рассказ, очерк, стихотворение и фотоснимок по просьбе читателей продлен до 1 января 1960 года. В этом творческом соревновании могут принять участие все желающие. В произведениях, присланных на конкурс, могут быть отражены любые вопросы боевых действий войск, службы, учебы, жизни, быта военнослужащих и сотрудников войск и органов МВД.

При необходимости авторам предоставляется возможность ознакомиться с некоторыми архивными материалами, а также с данными из жизни подразделений.

За лучшие произведения, поступившие на конкурс, установлены премии: за повесть и пьесу — две премии по 10 000 рублей, две — по 6 000 рублей и четыре — по 4 000 рублей; за киносценарий — четыре премии; за рассказ, очерк и стихотворное произведение — по шесть премий, и за фотоснимки — десять премий.

Без поправок на провинцию!

О ХОЗЯЙСТВЕННЫХ успехах Рязанской области знает вся страна. Не так давно за выдающиеся достижения в области сельского хозяйства и особенно животноводства рязанцам вручен орден Ленина. Экономические успехи дали возможность развернуть в городах и селах широкое культурное строительство. Нет здесь крупного районного центра, где не было бы клуба, а то и Дворца культуры.

Но как используют местные организации свои широкие возможности для подъема культурной жизни сел и городов? Наши корреспонденты побывали в районных центрах Рязанской области. Сегодня мы публикуем письмо из города Скопина.

К сожалению, многие из прежних дурных провинциальных «канонов» еще прочно держатся и в поселках, и в городах. И странно, что такие крупные города с прекрасными культурными традициями, как областной центр Рязань, так мало влияют на культуру быта своей «периферии». Вероятно, многое могли бы тут сделать интеллигенция и общественные организации области.

1. „У нас не Москва"

...ЗАРОСШИЕ кудрявой травкой улицы, глухие заборы, купеческие лабазы на базарной площади — таким запомнился мне с детства Скопин. Городок оживал лишь в базарные дни. Тогда по мостовой с грохотом катили телеги, визжали поросята, базарную площадь заполняли пестро разодетые люди. Каждая деревня имела свой наряд. И городские презрительно называли деревенских: «рогали», «горбы», «серые», а про себя с гордостью говорили: «мы — мещане».

В последние годы я не раз навещал Скопин. Меньше стало теперь на улицах кудрявой травки, больше шума, движения; со всех сторон слышатся новые для здешних мест слова: «стеклозавод», «обогатительная фабрика», поселок «Металлург», «Шахтстрой»...

Кварталы новых домов и коттеджей потеснили старые скопинские улицы, а там, где еще сохранился старый Скопин, над крышами высятся антенны телевизоров. Главные улицы оделись в асфальт и зелень, вечерами город освещается множеством огней, комфортабельные автобусы служат не только горожанам, но и сельским жителям, облегчая им связь с городом. В Скопине есть горный техникум, детская музыкальная школа, стадион и парк с летним кинотеатром, прекрасно оборудованный больничный городок и огромный Дворец культуры — гордость сегодняшнего Скопина.

Словом, город, как все советские города, — обогащенный материальной культурой, выросший, ставший крупным районным центром. И все-таки, когда присмотришься к его будням, — чувствуешь, чего-то тут недостает. Все как будто есть для того, чтобы культурная жизнь города развивалась так же, как развивается его экономика. Но если в организации предприятий не бывает — да это и немыслимо! — никаких скидок «на провинцию», то в области культуры эти скидки делаются охотно и оправдываются привычной фразой: «У нас не Москва»...

На улицах я видел афишу — во Дворце культуры состоятся танцы. Больше ничего афиша не обещала. В отделе культуры мне объяснили, что танцы, или по-местному «танцульки», — самое доходное «культурное мероприятие» в городе.

И вот мы на этих самых «танцульках» в великолепном, с колоннами и бархатом Дворце культуры, строительство которого обошлось в 10 миллионов рублей. В фойе, в продолжение нескольких часов толчется молодежь. Душно, грязно. Здесь сложилась своя этика: парень со скучающим лицом, волоча ноги, идет по фойе. Девушки ждут: пригласит или не пригласит? И пусть от него пахнет водкой, пусть на голове у него кепка, а во рту цыгарка, — это не зазор. Дернет он какую-нибудь девушку за руку — значит «пригласил».

Для этого ли строился Дворец культуры? Можно ли допускать, чтобы народные средства так попусту расточались, и дом этот, которому надлежало быть центром культурной жизни в Скопине, отдан во власть пошлых вкусов?..

В РЕСТОРАНЕ, в столовых, в кинотеатре и в других местах, где бывает много народу, висят аляповатые картины. Размножитель вынул душу из шедевров, сделал из них нечто пародийное, назвал «копиями», а местные поборники культуры повесили их на стены и представили: Репин, Шишкин... Изделия эти вполне сродни той яркой мазне на керамических тарелках, которая богато представлена на скопинском базаре. Тут я однажды поинтересовался, рассматривая тарелку с черноудрым мужем:

— Что это изображено?

— Ангел! — твердо ответствовал «художник» и подозрительно вгляделся — не из райисполкома ли, не изобличать ли пришли его, раздобревшего на легких харчах? Нет, никто его здесь не изобличает, — ни райфинотдел, ни отдел культуры. А не мешало бы посчитать, сколько распространили на всю округу мясистых ангелов, кровавых роз и прочей пошлости такие вот базарные деятели! Однако ни хозяин города, председатель райисполкома тов. Заволокин, ни заведующий отделом культуры тов. Мотовилов им не препятствуют: что за беда, если людям предлагается для украшения их жилищ мазня, а не искусство? «Скопин — не Москва...»

Секретарь райкома комсомола Сергей Косоуров с увлечением рассказывал мне, как надо доить коров, но сразу поскучнел, едва речь зашла о культуре городского быта. «Ну, с этой стороны у нас все благополучно...» И стал перечислять различные «мероприятия». За перечень «мероприятий» поспешно хватаются и в отделе культуры. Что ж, с точки зрения статистики, этих «мероприятий», пожалуй, и немало. Здесь и хор, и смотры художественной самодеятельности района, и драмкружок, и гастроли столичных и областных артистов. Нет только одного — горения общественной жизни, мысли, которое означало бы активность масс в культурно-просветительной работе, являлось бы лучшим противоядием против пьянства, хулиганства, серости вкусов и религиозного дурмана.

Сознательность, горение, о котором мы говорим, создадут университеты культуры, народный театр, клуб атеистов, молодых литераторов и десятки других форм широкой массовой работы. Эти формы непременно возникли бы, если бы при том же Дворце культуры был создан народный актив. Есть в Скопине хорошие, интересные люди, но их просто никто не объединил. «Завы» и «замы», отвечающие за культурную жизнь города, отделываются разговорами о том, как трудно найти квалифицированного художественного руководителя.

Да разве обязателен художественный руководитель для того, чтобы пробудить инициативу молодежи? Организовать налеты «легкой кавалерии», которая будет развенчивать хулиганов, юродствующих во Христе кликуш? Это под силу самой молодежи, это увлечет ее!

И разве не собрался бы народ, особенно молодежь, поговорить о вкусах, посмотреть, например, выставку образцов одежды?

Люди стали жить лучше. Здесь почти на всех дорогие костюмы и пальто. Но как они сшиты! Будто взяты с прилавка уцененных товаров. На девушках файдешиновые платья с какими-то немыслимыми безконечно старомодными сборками, с рукавами на резиночках!

«Ну, это дело вкуса», — развели руками авторитетные скопинские товарищи, когда зашел об этом разговор. «Так сами заказчики просят шить», — утверждают в пошивочной артели...

А пройдемся по магазинам. Два года пылятся на скопинских базах дамские пальто из бобрика — тяжелые, нескладные, с воротниками-загадками, ибо никто не знает, куда и как их пристегивать. Эти пальто — творения могилевских швейников фабрики имени Володарского. Калуга заслала в Скопин сверх заявок на 185 тысяч рублей женских костюмов, тоже тяжелых, дорогих, убогой серой расцветки. И люди привыкли к этому убожеству. Вот в магазинах рядом с изделиями калужских, могилевских и рязанских бракоделов появились московские и импортные пальто и костюмы — недорогие, изящные. Но их берут не особенно-то охотно.

— Не привыкли у нас к такому товару, — говорят продавцы. — Нарядно очень — покупатели опасаются, что их в этой одежде засмеют...

Так и висит красивая одежда! А во Дворце культуры не догадываются потолковать о вкусах с молодежью...

В загсе я разговорился с одной пожилой женщиной. Пока ей оформляли какую-то справку, она, горестно покачивая головой, осматривала грязные щербатые полы, штабеля канцелярских книг и папок, лежащие на полу, слинявшие скатерти на столах. И, наконец, не выдержала:

— Я бы на месте молодых из принципа сюда не пошла с женихом. Срам какой!

А скопинские ревнители веры пользуются этим и привлекают молодежь к церковным обрядам, и доходы от свадеб церковь получает немалые.

Сколько лет добивается заведующая, чтобы загс перевели в новое помещение, и все напрасно. Нужно миновать грязь на черном дворе, перешагнуть через кучи угля, несколько раз нырнуть под веревки с бельем, чтобы добраться до дверей загса, где ежедневно отмечается много радостных событий — рождение детишек, свадьбы...

«У НАС не Москва», — заявляют в Скопине каждый раз, когда хотят оправдать серость и бескультурье. Но распространенная некогда скидка на провинцию давным-давно устарела. Труженики Скопина имеют право на культуру, и бороться за эту культуру должны в первую очередь местные силы, партийные и советские работники, актив интеллигенции, комсомольцы. Тут есть все возможности для широкого культурного наступления. Оно поможет решить и производственные задачи, поможет воспитать сознательных активных строителей коммунизма, рачительных хозяев страны.

Б. АНАШЕНКОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

ЗА РАБОЧИМ СТОЛОМ ПИСАТЕЛЯ

У Ильи Эренбурга

Я ПРИШЕЛ к Эренбургу утром.

Был совсем ранний час. Но меня уже опередил другой гость — известный негритянский писатель из Гаити Жак-Стефан Алексис. Илья Григорьевич извинился и просил подождать в его кабинете. Жду.

Небольшая комната. Два окна с видом на улицу Горького. Полки, тесно уставленные книгами. Коллекции трубок, коробки сигар на бюро, в шкафах. На стенах картины Пикассо, Марке, Сарьяна, Кончаловского, Фалька, Гончарова, Шагала. Одну стену занимают книги Эренбурга, переведенные почти на все языки мира. Посередине комнаты — широкий письменный стол, тот самый рабочий стол писателя, о котором нам предстоит вести разговор. Впрочем, вряд ли он окажется в центре рассказа. Я бывал много раз у Эренбурга, но, собственно, ни разу не видел его за этим столом. Обычно рукопись или корректуру Илья Григорьевич держал на коленях и, сидя в кресле, быстро делал исправления. Может быть, так ему было удобнее: то и дело приходилось вставать к телефону — неотложные дела.

Приходили и уходили журналисты, репортеры, художники, начинающие поэты. Сегодняшнее утро в этом смысле было самым обычным.

Эренбург очень занят. Он — депутат Верховного Совета СССР, член бюро Всемирного Совета Мира, член Комитета по международным Ленинским премиям, президент общества «СССР — Франция».

— Да, обязанности депутата, общественная деятельность отнимают у меня много времени, — говорит Илья Григорьевич. — Но я об этом не жалею. Мне кажется, важнее помочь колхозу приобрести трактор или нуждающейся семье получить жилплощадь, чем написать страницу романа. Впрочем, это, конечно, весьма субъективно, — добавляет он тут же, — ибо талантливые страницы других писателей я глубоко ценю, и неизменно обижаюсь, когда вижу пренебрежение к работе художника.

Он замолчал, взял сигарету и закурил.

— Десять лет моей жизни я отдал борьбе за мир. Может быть, я успел бы написать еще два или три романа, но это дело третьестепенное по сравнению с защитой мира. Мне приходится часто ездить, вернее, летать, и облака мне кажутся столь же знакомыми, как дома на улице Горького. Приходится говорить речи, выступать на пресс-конференциях, писать статьи. Это тоже одна из форм участия писателя в жизни. Я думаю, что она не только разоряет, но и обогащает автора.

Я спросил, как он относится к спорам о современной теме в нашей литературе.

— Не мыслю себе писателя, который живет в разладе со своей эпохой, — такой автор обречен на духовное прозябание, — резко ответил И. Эренбург. — Место писателя всегда в разведке, а не в обозе. Писатель скорее открывает, чем излагает, скорее предписывает, чем переписывает. Современность — это не выбор того или иного злободневного сюжета, а современное ощущение и понимание мира. Лично я многим, вероятно, в жизни грешил, но уж никак не страхом перед злободневностью сюжета. Моя повесть «Оттепель» была написана летом 1954 года, и я попытался в ней изобразить жизнь 1953—1954 годов. Но это не означает, что в 1959 году все писатели, для того чтобы остаться современными, должны обязательно изображать события текущего года. Можно быть глубоко современным и когда пишешь исторический роман. Вот недавно во Франции вышел новый роман Арагона «Страстная неделя». Действие происходит в 1815 году, но в каждой строке чувствуется наша эпоха — ее драмы, ее уроны, ее надежды.

Сегодняшний день, люди нашего времени — на этом сосредоточена мысль Эренбурга, общественного деятеля и писателя. О чем бы Эренбург ни говорил, он неизменно возвращается к думам о современном человеке, к его характеру, вкусу, надеждам.

— Главное — удалось или не удалось автору произведения раскрыть внутренний мир героев, — говорит Эренбург, размышляя о судьбах книг, — у нас много романов, показывающих великие дела наших людей, и мало романов, показывающих людей, которые совершают эти дела. Я имею в виду людей, а не образцово-показательные манекены, живопись, а не плакат.

— Каким же, по вашему мнению, должен быть герой современного советского романа?

— Живым. Возможны, конечно, и романтически приподнятые герои, и сатирический подход к персонажам. Писателей много, все они, к счастью, разные, и общего рецепта ни у кого нет. Но в романе, где писатель хочет показать людей такими, какие они есть, герои неизбежно сложны. Общество 1959 года не похоже на общество 1859 года, но и сто лет назад художник стремился правдиво показать своих героев. Современный автор должен обладать большой палитрой. В нашем обществе нет классовых антагонизмов, нет выразителей различных слоев, вступающих между собой в конфликт. Борьба зачастую происходит внутри героя, борьба между добром и злом, эгоизмом и солидарностью, дерзаниями и рутиной, душевной красотой и уродством. Изобразив сложный внутренний мир героя, несомненно, можно помочь читателю понять самого себя, своих современников и этим способствовать духовному взлету людей.

...Он никогда не жестикулирует, не ходит по комнате. И кажется, что не рассуждает, а читает уже написанное, как будто заранее точно зная не только мысль, которую сейчас выскажет, но и те единственные слова, в которые эта мысль выльется.

— Я сужу литературу по литературе, а не по литературе о литературе. Я очень опасаюсь всяческих этикеток, — ответил Эренбург, когда я заинтересовался его отношением к дискуссии о положительном герое. — Мне, например, трудно сказать: герои Толстого, Стендаля и Чехова — «положительные» или «отрицательные». Бесспорно, унтер Пришибеев или «человек в футляре» не вызывают у читателя больших симпатий, хотя и они показаны не прирожденными носителями зла, а людьми, изуродованными обществом, в котором они жили. «Положительная» ли героиня Анна Каренина? Толстой ее любил, но не ставил в пример другим. «Отрицательный» ли герой Жюльен Сорель? Стендаль показал его глубокие пороки, но он испытывал к нему большую любовь и не пытался этого скрыть. В графике существуют контрасты — черное и белое. Так и в литературе существуют романтические произведения, существует сатира. Но, помимо графики, есть и живопись, а живописец никогда не употребляет в чистом виде белую или черную краски. Роман сродни живописи, и писатель показывает героев такими, какие они есть, — с их положительными и отрицательными чертами.

Спорить с Эренбургом интересно. Правда, переубедить его трудно. И тем не менее в нем всегда чувствуешь человека, уважающего мнение собеседника. Он сух, сдержан, порой даже резок, но в нем всегда ощущаешь душевную деликатность. С ним не вяжется представление о человеке, который может повысить голос, обидеть, хотя слова его часто злы, гневны, желчны.

— Читая иные книги, — Эренбург снова возвращается к героям современной литературы, — наш читатель должен усмехаться: ему рассказывают о нем, словно о каком-то примитивном существе. Меня однажды спросили за границей: чем я особенно горжусь в литературной жизни Советского Союза. Не задумываясь, я ответил — советскими читателями.

В эту минуту наш разговор прервали. Эренбург ехал в Комитет защиты мира. Мы встретились с ним уже после полудня за городом, в Новоиерусалиме, где он живет почти круглый год. Здесь впервые я увидел его непосредственно за рабочим столом.

Кабинет немногим отличается от московского. Тут очень солнечно. За широкой стеклянной стеной виден сад. Так же, как и в Москве, — посередине письменный стол. На нем машинка. Кипа машинописных листов, испещренных пометками, исправлениями, многочисленными вклейками, которые в свою очередь сплошь исчерканы.

Хочется сказать несколько слов о манере работы Эренбурга. У писателя нет черновиков в обычном смысле, нет у него и разных вариантов и редакций — он правит и окончательно отделывает рукопись еще до того, как вещь в целом закончена. Пока страница не отработана, он не приступает к следующей.

— Архитектура романа XIX века, — объясняет свои сегодняшние поиски Эренбург, — определялась судьбой одного героя или одной семьи. В наше время судьбы людей чаще, теснее, явственнее переплетаются. В повествовании это выражается быстрым перемещением планов, стремительной сменой места действия, одновременным развитием сюжетных линий, перекрещивающихся одна с другой. Язык становится лаконичным, медлительная плавность уступает быстрому ритму. При этом, разумеется, существуют превосходные романы, стиль которых напоминает стиль Льва Толстого: одна фраза занимает порой полстраницы. Было бы неправильно посягать на бесспорную ценность таких произведений. Но я лично предпочитаю неуклюжие каракули ученика первого класса давно освоенной каллиграфии. Впрочем, дело это спорное, и судят книгу по ее достоинствам, а не по благим намерениям автора.

...Еще на московской квартире Эренбурга привлекают внимание цветы. Они соседствуют с книгами. Они — вторая, после литературы, страсть писателя. Где бы ни был Эренбург, он привозит отовсюду семена, луковицы, черенки. Чилийский жасмин писатель привез от Пабло Неруды, карликовые растения — от японских друзей, азалии — из Бельгии, от королевы Елизаветы. Черенок кофейного дерева — из Бразилии, от Жоржи Амаду. Дерево уже плодоносит, и Эренбург шутит, что скоро он будет пить кофе собственного урожая.

Думается, существует тесная связь между любовью Эренбурга к растениям и его неутомимой борьбой против войны и разрушения. Этой борьбе Эренбург отдает свое острое перо писателя, видя в ней, как публицист, свою главную задачу сегодня.

Разговор наш коснулся последних работ Эренбурга — «Французских тетрадей», книги очерков об Индии, Японии, Греции, заметок о творчестве Чехова, находящегося в производстве сборника стихов.

— Когда я писал об уроках Стендаля или об уроках Чехова, я хотел показать, почему книги этих непохожих друг на друга писателей волнуют меня, моих современников. Я отнюдь не «подгонял» Стендаля или Чехова к современности, как это почудилось некоторым критикам: их нечего «подгонять» — они и поныне живы. Недавно я закончил очерк о крупном чешском художнике середины XIX века — Карele Пуркине. Опубликованные очерки о Японии, Индии, Греции — не только путевые заметки, но и попытка осознать, продумать силу древнего искусства этих стран. Хочу, чтобы это поняли молодые литераторы, это та эстафета, которую надо им передать.

К поэзии Эренбург-прозаик обращается тогда, когда то, что он хочет сказать, не может быть выражено прозой. По его мнению, передовая статья, или фельетон, или рассказ, написанные ямбом или хореем, с рифмами, с лесенкой или без лесенки, — произведения сугубо ненужные, ибо то, что автор хотел в них выразить, могло бы с большей ясностью быть выражено прозой. У нас есть настоящие большие поэты. Я назову здесь три имени, весьма отличные друг от друга, — Твардовского, Мартынова, недавно скончавшегося Заболоцкого. Среди молодых поэтов, на мой взгляд, тоже много одаренных и склонных к дерзновению.

Было бы странным уйти от Эренбурга, не поинтересовавшись литературными планами на будущее. На эту тему писатель говорить не любит, считая ее нескромной и неблагоразумной. Ответа я, конечно, не получил. Но поскольку в том, что он сказал, есть упрек и «Литературной газете», объективности ради надо привести его слова.

— Я не встречал ни в «Литературной газете», ни в других изданиях ни одной статьи, посвященной какой-либо из моих последних книг. Я отнюдь не жалуюсь и не утверждаю, что мои книги представляют особый интерес и что о них обязательно нужно писать в газетах. Я только стараюсь быть логичным. Если шкуры убитых медведей никак не привлекают внимания наших меховщиков — простите, критиков, — то, право же, не стоит заводить разговор о шкуре еще не убитого медведя.

И все-таки расскажу о тех планах писателя, о которых мне удалось услышать не от Эренбурга.

Во-первых, он недавно закончил подготовку к печати сборника стихов за двадцать лет, который выйдет в «Советском писателе». В книге — стихи из сборников «Верность», «Дерево» и около двадцати новых неопубликованных стихотворений. Это своеобразный дневник — лирический и политический — от Испании до наших дней.

Кроме того, Эренбург пишет статью о Неру для выходящего в Индии сборника, статьи о Мейерхольде и Семене Гудзенко, очерк о старой Праге для чешского издания, предисловие к книге о Юлиане Тувиме, издаваемой Детгизом, этюд о Чехове для сахалинского издательства и еще ряд статей (в том числе для заграничной прессы), направленных против «холодной войны».

Но, вероятно, это далеко не все, над чем сейчас работает писатель, тесно связанный с жизнью страны, с великим движением борцов за мир.

— Связь с жизнью так же естественно необходима писателю, как необходимы человеку воздух, вода, соль, хлеб. Роман нельзя придумать, его нужно раньше пережить. Неудачи некоторых молодых авторов зачастую связаны с их ранней профессионализацией. Одной наблюдательности мало, и никакие «творческие командировки» не могут заменить подлинного участия в жизни. Медведь сосет свою лапу зимой — это занятие сезонное, но сосать свою лапу круглый год трудно, как известно, даже медведю.

Я уехал от Эренбурга поздно вечером с чувством, что ни годы, ни огромная общественная занятость не могут остудить интереса Эренбурга к главному делу его жизни — к литературе.

И. ВАЙНБЕРГ

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

Давайте говорить о влияниях конкретно!

ЗА ПОСЛЕДНИЕ годы вопрос о влиянии русской литературы на литературы братских народов СССР стал предметом многих литературоведческих работ, диссертаций, статей.

Безусловно, правомерно отмечается огромная роль русской литературы в развитии национальных литератур. Казалось бы, теперь нужно переходить к **скрупулезному, доказательному** исследованию. Но этого-то в наших работах очень мало.

Наши литературоведы часто ограничиваются декларативными «обобщениями».

Литературовед Т. Бейсов видит, например, проявление традиций Горького в казахской литературе — и в актуальности тематики, и в том, как освещается дружба народов, и даже в том, что казахские писатели обращаются к произведениям своего устного народного творчества. Не очевидно ли, что традиции Горького здесь смешаны с общими чертами многонациональной советской литературы?

Недавно в газете «Советская Киргизия» была опубликована статья кандидата искусствоведческих наук Дм. Брудного «Традиции литературы». Там, где речь идет о влиянии русской литературы на киргизскую вообще, дело обстоит как будто благополучно. Как только Дм. Брудный переходит к конкретному разговору, начинаются «прикрепления» киргизских писателей к «соответствующим» русским классикам. «Мы вправе говорить о влиянии басенного творчества И. А. Крылова на киргизскую литературу», — пишет автор. Говорить об этом мы, конечно, вправе, но не просто говорить, а доказывать. А для Дм. Брудного оказывается достаточным увидеть «сходство мотивов» басен Крылова и Тоголока Молдо, «созвучие» крыловских произведений с баснями народными (!) — и вот уже вывод «подкреплен»: Крылов «влиял». Да разве ж таким образом мы не сможем «доказать» влияние какого-угодно баснописца на басни любого народа?

В туркменском литературоведении стихотворения о Родине, о народе, о значении критики и самокритики и т. д. часто объясняются лишь тем, что их авторы следуют за Маяковским, подражают ему. Авторы «Очерка по истории туркменской советской литературы» «установили», что стихотворения Маяковского «Американцы удивляются» и «Урожайный марш» оказали влияние на стихотворения Молламурта о хлопке и пятилетке. Эти произведения Молламурта написаны примерно в одно время с упомянутыми стихотворениями Маяковского. Однако если учесть, что Молламурт слабо знал тогда русский язык и что Маяковский был переведен на туркменский язык гораздо позже (за исключением единичных стихотворений), то... комментарии, как говорится, излишни.

Да разве же трудно понять, что стихотворения Молламурта «Посеем больше хлопка», «Пятилетний план», как и множество других подобных вещей не только в туркменской и не только в русской поэзии, были вызваны к жизни **требованиями самой эпохи.**

Часто в научных трудах приводятся слова самих писателей: на меня, мол, очень влиял Маяковский. Но если чуть глубже вникнуть в вопрос, то станет ясно, что подобные «признания в любви» должны только лишь подводить критиков и литературоведов к научному разговору о влияниях. Только подводить, но никак не исчерпывать его!

КАЗАЛОСЬ бы, что одна из основных задач литературоведения — определение оригинальных черт творчества того или другого писателя, его неповторимости, именно его вклада в литературу. А вот в туркменском литературоведении (да и только ли в нем?) почему-то идет горячее соревнование в приписывании всякому писателю как можно большего числа «влияний». Б. Ахундов в своей книге об А. Дурдыеве «подвел под влияние» все литературное наследство писателя. Кто только из русских писателей не оказал влияния на Агахана Дурдыева! Его рассказ «Красавица в когтях беркута» создан под влиянием пьесы (!) А. Н. Островского «Гроза», повесть «Счастливый юноша», рассказы «Баллы мулла», «Хан Кюйли», «Мастера земли» — результат воздействия Гоголя, рассказ «Жертва» — Чехова, другие рассказы — Горького. Да где же сам Агахан Дурдыев, или он поочередно растворялся то в одном, то в другом влиянии?

Весьма своеобразна аргументация критика. Б. Ахундов анализирует образ туркменки Акжемал и делает следующий комичный вывод: «Учитывая характеры и их занятия, скажем, что образ Акжемал созвучен гоголевским образам — Бобчинскому и Добчинскому». «Учитывая характер и занятие»?.. Какие же есть основания говорить о созвучии характеров этих людей, живших в разное время, людей разных национальностей и абсолютно несходных «занятий» и обстоятельств жизни? К тому же стоит ли забывать, что мужчина, будь он Добчинский или Бобчинский, не есть женщина...

Мы не только не отрицаем влияния русской литературы, мы подчеркиваем всю **необходимость** его конкретного, обоснованного изучения. Но **конкретного** и **обоснованного,** а не декларативного. И давайте будем обходиться без натяжек! Ведь есть же хорошие, глубокие и фактичные, без «перегибов», работы — К. Зелинского, М. Ауэзова, например. Вопрос о взаимных связях и литературных влияниях, как подчеркнуто было и на III съезде писателей, очень важный, разносторонний, сложный. Не будем упрощать его!

Что позитивного нам хотелось бы наметить (только наметить!) в этой статье?

Известно, что до Октябрьской революции реалистической прозы в полном смысле этого слова на нашем Востоке не было. В соответствии с присмами условного повествования произведениям дореволюционной туркменской литературы были присущи такие черты, как гиперболизация событий и ситуаций, «неестественность» поступков героя и пр. Кроме того, большинство героев этих произведений — это люди, как говорится, имущих классов. Мы не ставим этого в вину авторам, избави бог нас от вульгаризации! Мы понимаем условия эпохи, но тем не менее думаем, что правилен такой вывод: «восточным» литературам, туркменской литературе в частности, надо было еще **учиться** описывать жизнь простого народа. И вот здесь, говоря о литературной судьбе писателей Средней Азии, надо отметить то счастливое обстоятельство, что они, знакомясь с русской литературой, сталкивались сразу же с великими **реалистами,** минуя различные декадентские литературные течения,— с Толстым и Чеховым. А вместе с тем обращались к **опыту социалистического** реализма, к Горькому прежде всего.

Вырабатывать метод социалистического реализма на своей национальной почве! Именно за помощь в этом важнейшем деле мы в первую очередь благодарны русской советской литературе, ее виднейшим представителям — Горькому, Маяковскому, Шолохову, Фадееву.

Реалистичность характеров! Возьмем, к примеру, творчество самобытного туркменского писателя Б. Кербабаева. Он учился у русской литературы принципам создания развивающегося, психологически противоречивого характера, искусству композиции романа. Это дало ему возможность создать первый реалистический роман в истории туркменской советской литературы — «Решающий шаг». В основе сюжета этого романа — судьба рядового представителя туркменского народа. Писатель не наделил своего главного героя необычными «сверхсильными» атрибутами, а показал в процессе роста, преодоления ошибок и колебаний. Здесь еще раз проявилась творческая сила влияния русской литературы. Каким образом мы можем доказать это влияние? Даже документально! Б. Кербабаев переводил произведения Горького и Шолохова. Вместе с работой над переводом этих произведений, можно сказать, параллельно с этим он начал писать «Решающий шаг». Хронология в **данном** случае — не формальность. Но, конечно, не ограничиваясь соображением хронологическим, надо дать сравнительный анализ тех способов построения образа, к которым прибегают, скажем, Шолохов и Кербабаев.

Влияние русской литературы, на наш взгляд, надобно искать не в теме, не в сходстве отдельных эпизодов. Это влияние общеэстетическое — **влияние примера, а не списывания.** И особый вопрос — индивидуальное тяготение кого-либо из писателей к тому или другому крупному русскому писателю, к его художественным, творческим приемам. Вот если вести разговор о влиянии с таких позиций, тогда Молламурт не будет подводиться «под» Маяковского, тогда не будет на деле ущемляться пожелание Маяковского о литераторах — «хороших и разных».

Давайте же говорить о влияниях и взаимовлияниях конкретно!

Абдулла МУРАДОВ

АШХАВАД

ПОЭТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ ЛЕРМОНТОВА

Так называлась вторая межвузовская конференция, недавно состоявшаяся на филологическом факультете Московского университета. Декан факультета Р. Самарин отметил отрадную особенность конференции — основными докладчиками, наряду с учеными-литературоведами разных городов, выступили студенты.

В докладах москвичей А. Журавлевой, А. Чернякова и А. Заикиной была сделана попытка исследовать поэтический стиль великого русского художника слова с позиций нашей современности. Докладчики спорили с распространенным за последнее время стремлением отдельных исследователей подменять анализ поэтического стиля художественного произведения разговором о «диалектизмах», «варваризмах», «прозаизмах» и т. п.

В. Вацуро и Е. Яценко (Ленинград) выступили преимущественно с историко-литературным анализом произведений Лермонтова. Были обсуждены также доклады Е. Покатиловой (Рига) и Н. Дзацеевой (Орджоникидзе). Конференция прошла в обстановке острой, но исключительно дружеской дискуссии.

На основе материалов конференции предполагается издание сборника докладов и сообщений.

НЕДЕЛЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Выставка художников студии им. Грекова

«Радость жизни». Скульптор Г. Постников

ОТЧЕТ ДАРГИНСКОГО ПОЭТА

Правление Союза писателей РСФСР заслушало творческий отчет даргинского поэта Рашида Рашидова (Дагестан).

Его произведения, полные самобытности и национального своеобразия, пользуются большой любовью у народов Дагестана. Переведенные на русский язык книги «Дети такие мне нравятся очень» и «К нам в аул Мороз пришел» с большим интересом встречены юными читателями.

В обсуждении творчества Р. Рашидова приняли участие С. Баруздин, Р. Гамзатов, Я. Смеляков, С. Михалков, Е. Тараховская, Н. Доризо, Г. Ладонщиков, лакский поэт Юсуп Хаппалаев, а также поэты-переводчики Я. Козловский и Н. Гребнев.

В один день — 50 тысяч...

В Центральном парке культуры и отдыха Ленинграда в прошедшее воскресенье проведен традиционный Праздник книги. Более ста тысяч ленинградцев участвовало в этом торжестве. Оживленными были встречи с поэтами и прозаиками, с редакторами издательств.

В распространении книг приняли участие общественники предприятий города, литераторы, учащиеся.

По предварительным данным в первый день праздника продано более пятидесяти тысяч экземпляров книг, брошюр и журналов.

ЛЕНИНГРАД. (По телефону).

ЮПИТЕР СЕРДИТСЯ...

«ЮПИТЕР смеется» стояло на театральных билетах со знакомой мхатовской чайкой.

«Юпитер — мощный электрический осветительный прибор»,— вспомнилось мне почему-то единственное объяснение этого слова в словаре русского языка С. Ожегова, вышедшем в 1953 году. На минуту моему воображению представилось нелепое и странное зрелище. Электроосветительный юпитер смеялся. Он смеялся белым, слепящим, шипящим и жарким смехом. «Послушайте, вы и есть Юпитер? — спросила я. — Что случилось? Чему вы смеетесь?»

Он сразу стал серьезен и даже потускнел: «Чему я смеюсь, — вздохнул он печально. — О, эти дети XX века, они все безудержно модернизируют, не заботясь о последствиях. Не говорю уже о себе. Ну, пусть в словаре забыли, что до изобретения этого, — он тряхнул проводами, как бородой, — люди довольно долго видели во мне бога-громовержца. Но в конце концов то словарь. А тут — Художественный театр. Вы читали пьесу Арчибальда Кронина? Замечаете разницу? Разрешите, я посвечу».

Но разница бросалась в глаза и без дополнительного освещения. То, что происходило на сцене, было в странном и смешном, а может быть, печальном разногласии с пьесой. Представьте себе, что в добропорядочной частной клинике доктора Брэгга в Гопуэлл-Тауэрсе за ужином среди врачей является новый коллега—молоденькая девушка с наивным и круглым личиком. На расспросы она очень серьезно отвечает, что приехала сюда временно, в надежде заработать на проезд в Китай, где умер ее отец и где отныне заменит его она сама. «Во имя чего?» — спросите вы вместе с обитателями клиники. — «Во имя человека».

Какая актуальная пьеса, подумаете вы. Молодая революционно настроенная англичанка, чей отец, вопреки традиционному британскому колониализму, отдал жизнь в борьбе за свободу и независимость китайского народа, едет...

Остановитесь, читатель. Не верьте обманчивым огням рампы. Откройте пьесу, где на стр. 23 Мэри объясняет свои истинные побуждения:

— А зачем вам в это ввязываться?

— Только чтобы доказать им, что все от бога...

Христианство и наука. Неуживчивый, нетерпимый, язвительный и чертовски талантливый доктор Веннер работает над препаратом, излечивающим шизофрению. Он делает это во имя чистой науки. Ему наплевать на гуманные идеи и христианские заповеди. Но он влюблен в Мэри. А Мэри — олицетворение христианского самопожертвования. Она дарит своему возлюбленному евангелие и зовет его в Китай, где ее отец был миссионером. (Кстати, действие пьесы относится к 30-м годам.) В конце концов, верная своим заповедям, Мэри жертвует собой, пытаясь спасти от пожара рукописи Веннера. А он с ее евангелием в кармане отправляется в Китай.

Так обстоит дело в пьесе, где талантливые и злые зарисовки быта, столь хорошо знакомого Кронину по его медицинской практике, острое ощущение добродетельной рутины и благопристойной пошлости, окружающей исследователя, соседствуют с идеями христианского самопожертвования, а все это вместе насажено на банальный мелодраматический сюжет.

В спектакле от быта походя отмахнулись, бога попросту вымарали вместе с половиной роли Мэри. Что же осталось? Остались сюжет и Юпитер в заглавии (как видно, под влиянием ожеговского словаря).

И, глядя на милую Мэри, лепетавшую что-то невнятное о «поле битвы, где строится новая жизнь» (текст, не предусмотренный Кронином), я от души жалела исполнительницу — студентку школы-студии имени Вл. И. Немировича-Данченко Т. Лаврову. Наверное, в школе ей не раз объясняли, как серьезно относились К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко к созданию характера, как неукоснительно требовали от актера знания каждой детали биографии героя, а здесь неопределенно даже время, когда он живет. В самом деле, легко ли из образцовой христианки сделать высокопрогрессивного деятеля...

Беда не в том, что у Мэри отняли ее любимое евангелие. Беда в том, что вместе с евангелием у нее отняли характер, превратив его в некую туманность, — ведь у Кронина тема христианства определяет движение образа,— и поэтому повис в воздухе весь спор Мэри с Веннером. Остался, повторяю, лишь нехитрый сюжет мелодрамы.

И в спектакле есть все ее признаки. Демоническая старшая сестра клиники, которая ненавидит Веннера и готова на все, чтоб его погубить. Молодая жена владельца клиники, которая, напротив, влюблена в Веннера и готова на все, чтоб его удержать. Есть сцена, когда старшая сестра коварно предлагает ей ключ от лаборатории с рукописями и она из ревности их поджигает.

Есть бравурная музыка, есть зловещие красные отсветы пламени и черное бархатное платье ревнивой Глэдис, и белое воздушное платье невинной Мэри. Есть Веннер, больше похожий на романического любовника, нежели на одержимого исследователя.

Нет того единственного, что могло бы заинтересовать нас в пьесе Кронина — нет реалистической и злой картины жизни клиники, где все так респектабельно и добропорядочно, где для больных выращивается даже брюссельская капуста, а между тем не находится места для живой мысли, для научного исследования. Ибо наука не всегда респектабельна и заставляет иногда бодрствовать ночами, ходить небритым и даже — о ужас! — пить в воскресенье для бодрости виски.

Как это ни грустно, в спектакле МХАТа нет как раз того, что всегда составляло силу этого театра.

Режиссер А. Карев не смог показать в характерах Веннера, старшей сестры, Глэдис, Мэри их реальные, живые, даже житейские черты, превратив их в персонажей мелодрамы. А вместе с тем потерял ту — кстати сказать, традиционную для МХАТа — тему столкновения мещанства и творчества, которую только и стоило извлекать из пьесы английского драматурга.

...Итак, Юпитер смеется на афише, украшенной мхатовской чайкой. А мог бы рассердиться. И если бы рассердился, то, вопреки известной древней поговорке, на этот раз оказался бы тысячу раз прав.

М. ТУРОВСКАЯ

ВОСТОРГ—УТВЕРЖДАЕТ «ПАРИ-МАТЧ», НО В УГРЮМЫХ ВЗГЛЯДАХ—НЕНАВИСТЬ...

ПОСМОТРИТЕ НА ЭТИ ЛИЦА

Французский реакционный журнал «Пари матч» дал к этой фотографии следующую подпись: «Батна, маленький алжирский городок, празднует 13 мая. Произносятся речи, звучит «Марсельеза», а над головами плывет портрет де Голля... Французы-мусульмане и французы-европейцы слились в одной толпе».

«Пари-матч» хотел бы уверить читателей, что алжирцы, которых журнал хитроумно называет «французами-мусульманами», бурно ликуют, восторгаясь политикой французских колонизаторов. Но снимок — живое опровержение уверений журнала. Мы выделили и увеличили несколько лиц из этой «слившейся воедино толпы». Ненависть и горе не затушевать никакими слащавыми подписями!

САМАЯ ПРЕЗРЕННАЯ ПРОФЕССИЯ

ФЕЛЬЕТОН

Вы не слыхали историю про Одноглазого Джо, старого чикагского гангстера? Неужели нет? А ведь он не зря прославился. На его боевом счету восемнадцать ограбленных банков, дюжина похищенных младенцев, десятка полтора прирезанных джентльменов с туго набитыми бумажниками. Джо торговал самогоном в годы «сухого закона», занимался перекупкой контрабандных наркотиков и содержал неплохо организованную сеть притонов. К пятидесяти годам он сколотил изрядный капиталец и вложил его в солидное предприятие. Джо мог бы спокойно доживать свой век, ни о чем не заботясь, но... он был тщеславен и честолюбив. Хотелось ему стать политическим заправилой штата.

И вот как-то раз, играя в карты с начальником полиции, старым и верным другом, Джо, слегка смущаясь, начал задушевный разговор.

— Знаешь, Генри, задумал я удариться в политику... Хочу стать государственным деятелем. Поможешь?

— Как не помочь, Джо, — ответил Генри, — я многим тебе обязан... Но ты-то сам уверен в своих силах?

Джо побагровел и тяжело задышал.

— Постой, постой, — мягко проговорил начальник полиции, ласково потрепав своего друга по плечу, — успокойся, я знаю, на что ты способен. Пойми меня правильно: ведь ты работал по мелочам. Одно дело — обчистить банк, другое дело — обобрать вдов и сирот в целом штате. Одно дело — пришить богатого старикашку, другое дело — послать на смерть несколько миллионов...

Джо слушал своего друга с возрастающим волнением. Когда Генри, наконец, умолк, старый гангстер поник головой. Из его единственного глаза выкатилась крупная слеза. Он раздумал менять профессию...

Казнокрад с денежным мешком, краснобай-демагог, ханжа и лицемер, прикрывающийся маской Линкольна, пират и головорез — вот наиболее характерные типы политических деятелей США в изображении американских карикатуристов. Эти рисунки мы заимствовали из журнала «Нью-Йорк таймс мэгэзин», который, выступая в защиту политического деятеля, с тяжелым вздохом решился опубликовать типовые портреты политиканов в том виде, как их представляет себе американский народ.

Эта забавная история, которую любят рассказывать в Америке, конечно, выдумана от начала и до конца. Но в ней столько горькой правды, что она могла бы произойти и на самом деле. Нет, пожалуй, в Соединенных Штатах более презренной профессии, чем профессия политического деятеля. Американский народ хорошо знает цену продажным интриганам, обделывающим свои грязные делишки под завесой демагогической болтовни. Разумеется, не у всех политических деятелей США рыльце в пушку. Среди них есть и честные люди. Но коррупция в этих кругах приняла поистине эпидемический характер, волна взяточничества захлестывает даже Капитолий. Вот почему простые американцы к самой профессии политического деятеля относятся с недоверием и неприязнью.

Многие неприглядные махинации, широко практикуемые американскими политиканами, нашли даже отражение в языке. Есть специальные «термины» для обозначения этих жульнических проделок. Из них можно было бы, пожалуй, составить целый «Словарь уголовника»!

Вот, казалось бы, невинное выражение: «поджаривать жирок» («fat frying»). Что же за ним скрывается? Взимание податей с фирм, в интересах которых политиканы состряпали и протащили через законодательный орган льготный закон, обеспечивающий фирмам большие прибыли. А вот другой, не менее сочный, оборот речи: «запустить пальцы в соус» («dip in the gravy»). Этот гастрономический символ весьма образно выражает сущность повседневного в жизни политиканов явления: бесстыжего прикарманивания общественных средств. Деликатные выражения «орошать цветочки» («sprinkle the flowers») и «смазывать политическую машину» («oil the political machinery») попросту означают: давать взятки. Благоразумные фирмы в США выделяют даже специальный фонд из своих средств. Именуемый «фондом желтого пса», он предназначен исключительно для подкупа политических деятелей!

Не удивительно, что фигура политического деятеля в США стала мишенью горьких насмешек, злых острот и прямых издевательств. Дело дошло до того, что пресса монополий сочла нужным выступить в защиту «обиженных» казнокрадов. Статья, недавно опубликованная в журнале «Нью-Йорк таймс мэгэзин», так и называется: «В защиту политического деятеля».

«Политические лидеры, как категория, — причитает автор статьи, — не пользуются уважением среднего избирателя. Часто, очень часто я слышу, как о кандидатах на выборные должности говорят, как о низких и бессовестных тварях, готовых пойти на любую грязную проделку или махинацию, чтобы добиться избрания. Американцы всегда готовы предполагать самое худшее о тех, кто стремится занять руководящие посты, будь то в местных органах власти, на уровне штата или в масштабе всей страны».

Автор статьи рассказывает о прискорбном, с его точки зрения, факте. Специальный опрос, проведенный в США, показал, что подавляющее большинство родителей с негодованием отвергает мысль о политической карьере для своих детей. «Это не очень многообещающая установка для страны, судьба которой может зависеть от качества ее политических лидеров», — в полном унынии восклицает автор.

Однако факт остается фактом. У американского политикана репутация настолько подмочена, что черного кобеля уже никакими усилиями не отмоешь добела. Видимо, хорошо понимая это, автор статьи пускается на хитрость. С раздражением проворчав, что народ чрезмерно идеализирует американских президентов Джефферсона, Линкольна и Рузвельта, он пускает отравленную стрелу:

«Средний американец забывает, конечно, о том, что Джефферсон, Линкольн и Ф. Д. Рузвельт были практическими политиками, которым приходилось принимать активное участие в политических махинациях и компромиссах своего времени».

Не в силах «облагородить» нынешних политиканов, автор статьи щедро поливает грязью выдающихся государственных деятелей прошлого. Не смог возвысить этих, так хоть унизил тех!

Кто же написал статью в «Нью-Йорк таймс мэгэзин»? Мистер Ричард Льюис Нюбергер. Он хорошо знает то, о чем пишет. Он сам... американский сенатор!

Понятно, почему он с таким рвением берется защищать своих жуликоватых коллег. А что тем временем делают коллеги? Обстоятельный ответ на этот вопрос дает американский еженедельник «Ньюсуик», поместивший в одном из последних номеров статью под красноречивым заголовком «Конгресс — мораль и деньги». Из статьи явствует, что с деньгами у конгрессменов все обстоит как нельзя более благополучно, а вот с моралью у них туговато.

Сенатор Роберт С. Керр, оклахомский миллионер, — крупнейший специалист в США по «поджариванию жирка». Он довел это кулинарное искусство до полной виртуозности. Многие «повара» на грязной кухне американского конгресса пропихивают за солидную мзду законопроекты, выгодные для тех или иных компаний. А сенатор Керр, куда более оборотистый, заботливо стряпает «высококалорийные» законы для... своей собственной нефтяной фирмы.

Увы, это — не исключение. Как пишет журнал «Ньюсуик», «Керр не одинок... подавляющее большинство конгрессменов делает то же самое». (Одноглазый Джо мог бы многому научиться у сенатора Керра!)

К числу кавалеров «фонда желтого пса» относится, например, бывший сенатор Джон Брикер из Огайо. Принадлежащая ему юридическая контора получала ежегодно по тридцать пять тысяч долларов от железнодорожной компании «Пеннсильвания рэйлроуд». Не следует думать, что железнодорожная компания бросала деньги на ветер: Джон Брикер «честно» отрабатывал каждый цент. Для этого у него были все возможности: почтенный джентльмен состоял членом сенатской комиссии, ведающей законодательством по железнодорожному транспорту.

Конгрессмены ничем не брезгают в погоне за легкой наживой. Кормление оравы прожорливых родственников за государственный счет — это уже давно укоренившаяся практика. Другая статья дохода — бесконечные разъезды по Соединенным Штатам и за их пределами. Эти разъезды решительно никому не нужны, кроме, разумеется, самих конгрессменов, которые получают поистине королевские командировочные. В прошлом году, например, 150 сенаторов и членов палаты представителей устроили себе роскошные путешествия по заморским краям, истратив при этом астрономическую сумму долларов из государственной казны. Характерно, что никто из них не счел даже нужным отчитаться в расходах.

Пути наживы конгрессмена неисповедимы. От его зоркого глаза не ускользает ни один плохо лежащий доллар. Взять хотя бы такую золотую жилу, как публичные выступления. Оказывается, за каждую речь, произнесенную перед «солидной» аудиторией, конгрессмен берет чистоганом — от 500 до 1000 долларов.

Вопрос: кто соглашается платить такие деньги за пустую болтовню? Ответ: группы промышленников, заинтересованные в проталкивании того или иного закона в конгрессе.

«Этично ли поступают конгрессмены, берущие деньги у таких групп?» — деликатно спрашивает журнал «Ньюсуик». Полноте, господа, чего стесняться! Это у Одноглазого Джо душа была чувствительная, а у вас-то совесть дубленая.

С такой совестью можно, не моргнув глазом, взять деньги за любую речь. А поговорить вы любите! Чего только не услышишь от вас: рассуждения о благородных принципах и высокой морали, о честности и бескорыстии, о самозабвенном служении народу и преимуществах «американского образа жизни». С каким красноречием вы превозносите «западную демократию», какие хвалы воздаете вашим фальшивым свободам, как любите призывать в свидетели господа бога!

До чего же омерзительная личина скрывается под грубо размалеванной маской благочестия и добропорядочности!

М. АЛМАЗОВ, В. ОСТРОВСКИЙ

Мухтар АУЭЗОВ

Зоны ужаса

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Мне довелось немало слышать и читать об изуверстве расистов в Южно-Африканском Союзе. «Теория» и практика этих рабовладельцев XX века вызывают глубокое негодование у всех честных людей мира. В большинстве случаев с разоблачением и резким осуждением этой политики выступает прогрессивная общественность. Должен признаться поэтому, что я был несколько удивлен, обнаружив в американском журнале «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рпорт» весьма откровенную статью о расовой дискриминации в Южно-Африканском Союзе под выразительным заглавием «Трагедия Южной Африки». Автор статьи — Дэвид Рид, один из редакторов журнала, проживший много лет в Африке и недавно вновь посетивший ЮАС, чтобы познакомиться с новейшими «достижениями» в области «тотальной и бескомпромиссной» расовой сегрегации.

Когда читаешь этот рассказ очевидца, кровь буквально стынет в жилах. Почему же все-таки, спрашивал я себя, такой журнал, как «Юнайтед Стейтс ньюс», рассказывает правду о Южно-Африканском Союзе? Ответ я нашел в редакционном примечании к статье, в котором говорится, что Рид рисует картину, «оставляющую далеко позади все, что когда-либо встречалось в этом смысле в Соединенных Штатах». Вот, оказывается, в чем дело! Редактор «Юнайтед Стейтс ньюс» полагает, что рассказами о средневековых ужасах, творящихся в наши дни в Южной Африке, ему удастся отвлечь внимание от разгула расизма в Соединенных Штатах!

Мне рассказывали о том, как на конференции народов Африки в Аккре американские агенты пытались представить США как страну, где уважаются принципы равноправия, демократии и т. п. Так американские монополии рассчитывают прикрыть свои колонизаторские устремления, изобразить США поборниками свободы и независимости. Но весь мир знает, что на юге Америки свирепствует жестокий расистский террор. Негры фактически лишены политических и гражданских прав. И поныне справедливо крылатое название Америки, данное Марком Твеном, — «Соединенные Линчующие Штаты».

Кое в чем южноафриканские расисты обогнали своих североамериканских единомышленников. Мне думается, губернатор штата Арканзас мистер Фобус не без зависти следит за тем, что творят белые господа Черной Африки. Так называемый апартеид (поселение по расовым группам и в первую очередь изоляция африканцев) — это политика поистине дикого, разнузданного произвола. Белые, цветные, черные отделены друг от друга непроницаемыми перегородками. Африканец не может ехать с белым в одном автобусе или трамвае, есть в одном ресторане, жить в одной гостинице, посещать один кинотеатр, лежать в одной больнице, учиться в одной школе или университете. На общественных пляжах полиция обязана обеспечивать соблюдение промежутка не меньше, чем в полкилометра для купальщиков различных рас. «Люди полагают, — заявил Риду один из правительственных чиновников ЮАС, — что если они равны перед богом, то они должны быть также равны в обычных человеческих отношениях. Это бессмыслица». Но, как видно из той же статьи Рида, люди разного цвета кожи не равны и перед богом! Правительство ЮАС пытается распространить сегрегацию и на церковь.

Существует только один вход, куда могут войти вместе с белыми черные и цветные люди. Это вход в магазин, в кассу, ибо только деньги, которые держали в руках негры, «не имеют запаха» для белых господ. Однако материальное положение миллионов африканцев таково, что они навряд ли бывают частыми гостями в магазинах.

Пожалуй, нигде расовые и социальные противоречия, обусловившие трагедию Южной Африки, не проявляются так резко, как в «городе золота» — Иоганнесбурге. Рядом со сверкающими витринами универсальных магазинов и роскошными особняками жмутся к земле негритянские трущобы, почти полумиллионное население которых влачит голодное, нищенское существование.

На проживание в негритянских районах Иоганнесбурга требуется специальное разрешение; отдельный пропуск нужен африканцу на право входа в город, если он там работает; если негру необходимо остаться в городе на ночь, то и в этом случае ему требуется особое разрешение. Каждый африканец обязан постоянно иметь при себе паспорт объемом в 96 страниц, в котором работодатель ежемесячно должен делать пометку. Если африканец забыл свой паспорт дома или если какой-нибудь из его многочисленных пропусков не в порядке, его могут арестовать. «Паспортные облавы» на африканцев проводятся в Иоганнесбурге и других городах чуть ли не ежедневно. Пойманный «нарушитель» отнюдь не всегда предстает перед судом. Чаще всего таких людей, бесследно исчезнувших для семьи, используют на принудительных работах у богатого белого фермера. Они превращаются в его рабов. Хозяин платит им три цента в час. Когда истекает срок работ, нередко оказывается, что нищенского заработка не хватает, чтобы расплатиться за жилье, одежду и прочее. Тогда подписывается новый договор на новый срок.

Другим поставщиком негритянских рабов для ферм служат так называемые фермерские тюрьмы. Группы белых фермеров строят такие тюрьмы в своих районах в складчину. Правительство укомплектовывает тюрьмы административным персоналом и заполняет их заключенными африканцами. Заключенных сдают в «аренду» фермерам, которые вносят арендную плату в государственную казну.

В свою каннибальскую деятельность расисты пытаются внести «плановое начало». В ЮАС осуществляется сейчас программа создания «расовых районов», рассчитанная на 15—20 лет. Задумано это с тем, чтобы полностью территориально изолировать белых от черных и цветных. 50 тысяч негров уже выселены насильно из Софиятауна — района трущоб в Иоганнесбурге. В назначенный день туда явилось 2 тысячи полицейских. Они выбросили из лачуг пожитки негров. Особые команды, вооруженные топорами, взобрались на крыши и разрушили эти ветхие жилища. Такие же организованные погромы власти ЮАС намерены провести в других городах страны.

По всей стране проводится «расовая классификация». Суть ее сводится к тому, чтобы навсегда отнести к той или иной расовой категории каждого из 14 миллионов жителей Южно-Африканского Союза, заклеймить «черных» и «цветных» клеймом неполноценности, приниженности перед белым угнетателем. В Кейптауне и других городах ЮАС регистрационные бюро занимаются «исследованием» цвета кожи, волос, глаз, изучением родословной каждого жителя на предмет определения его расовой принадлежности. Если чиновники решат, что такой-то гражданин, до сих пор числившийся белым, «похож» на негра или цветного, они могут «понизить» его по шкале апартеида. Это значит, что он должен будет переселиться в гетто для черных, дети его смогут посещать только «племенные школы», он никогда не сможет получить работу, резервированную для белых, он станет бесправным рабом.

Скотская сущность расизма, пожалуй, ни в чем не проявляется так ярко, как в гнусном законе «об аморальности». «Аморальной» здесь считается всякая любовная связь между представителями разных рас. Нарушителей этого изуверского закона подвергают тяжкому телесному наказанию и тюремному заключению сроком до семи лет.

Когда задумываешься над тем, что происходит в Южно-Африканском Союзе и в Южных штатах США, ясно видишь, что расизм калечит не только жизнь миллионов черных. Он отравляет своим ядом сознание белых, сеет бациллы ненависти, взаимного недоверия, разъединяет людей, а значит, делает их более слабыми.

Об одной из таких жертв расизма рассказывается в статье уже упоминавшегося Рида. Некий житель Кейптауна, считавшийся белым, женился на белой женщине. 24 года спустя ему сообщили о факте, которого он сам не знал: в метрических документах он был обозначен как «смешанный». Прежде всего он лишился работы, далее, рассказывает он, произошло следующее: «Когда моя жена узнала об этом, она упала в обморок. Потом она рыдала и говорила: ты опозорил меня, уйди! Семейная атмосфера сразу оказалась отравленной ненавистью, в конце концов мне пришлось уйти из дому. Вскоре после этого жена подала заявление о разводе. Все стало невыносимым, я хотел отравиться, принял огромную дозу снотворного. Но меня спасли. В конце разбора дела о разводе жена лишилась чувств. Проболев три года, она умерла».

Разум человечества не может мириться с произволом расистских мракобесов! Африка перестает быть в наши дни заповедником колонизаторов. Народы черного континента один за другим избавляются от колониального рабства. Над землей, исполосованной, как спина угнетенного негра, кровавыми расовыми барьерами, веет ветер свободы!

Лабиринт эстетического модернизма

Можно прожить с пользой для общества, ничего не зная о Николае Гартмане, хотя общественное мнение западных стран посмертно признало его одним из лидеров наиболее современного направления в философии. Если, однако, читатель интересуется книгой, выпущенной Издательством иностранной литературы, он должен иметь в виду, что такие книги требуют чтения между строк. Каждое слово здесь следует понимать не в простом, а в особом, можно сказать, «пиквикском» смысле.

Так, например, читатель заметит, что Гартман охотно выражает свое несогласие с идеализмом в эстетике. Но не следует торопиться. Материалистические фразы Гартмана нужно понимать в «пиквикском» смысле. На самом же деле его конструкция гораздо дальше от научных взглядов на этот предмет, чем эстетика Канта, Шиллера, Гегеля и, если хотите, даже Платона.

Старая эстетика создала понятие идеала, как полноты жизни, недостижимой на земле и только сияющей для нас в образах искусства, в чувственной иллюзии «прекрасного». Гартман относится к этим устаревшим представлениям с явной насмешкой. Он полагает, что эстетические переживания могут быть связаны с «любым куском жизни», независимо от его совершенства. Очень хорошо, но чем отличается все же прекрасное явление от всякого другого? С точки зрения Гартмана, секрет очень прост: возьмите любой кусок жизни и заключите его в раму, — он будет прекрасен. Следовало бы даже считать (хотя автор не говорит этого), что рама важнее самой картины. Ибо, по мнению Н. Гартмана, окружая кусок жизни рамой, мы вырываем его из действительности, а это и есть главный источник эстетического наслаждения. Отбор известных черт художником и вообще всякая условность также сводятся, с точки зрения автора, к «феномену рамы», или, говоря более широко, — к устранению иллюзии реальности, к «дереализации».

Изобретая различные формулы для выражения той особой радости, которая охватывает человека перед лицом прекрасного в природе или в искусстве, Гартман находит слово Abgeschirmtheit, то есть «состояние отгороженности». Радость охватывает нас именно потому, что мы загородились «феноменом рамы» от действительного мира с его моральной и прочей ответственностью. При этом автор «Эстетики», если верить его заявлениям, вовсе не эстет, а скорее горячий сторонник вторжения искусства в жизнь. Но такие приманки существуют только для очень наивных людей. На самом же деле под видом мнимой актуальности скрывается худший вид эстетизма. Как видно из всей системы Гартмана, он думает, что к жизни нужно подойти вплотную, на расстояние ближнего боя (все равно податься некуда), а затем вынуть из кармана «феномен рамы» и создать искусственную дистанцию между нашим сознанием и угрозой реального мира. Слово Abgeschirmtheit заставляет вспомнить Schirm, а это значит, между прочим, зонтик. Рецепт прекрасного, предлагаемый в этой книге, состоит именно в зонтике условности, посредством которого можно укрыться от непогоды посреди уродливого и страшного мира.

Таков модернистский сдвиг, совершаемый Н. Гартманом по отношению к эстетике классического идеализма. Великий немецкий поэт Шиллер в стихах и прозе грустил о том, что идеал прекрасного недостижим на земле, нереален. А современный немецкий философ Гартман утверждает, что именно нереальное прекрасно. Разница громадная, и она не в пользу Гартмана. Старый идеализм слишком яркими красками рисовал противоположность между полнотой человеческой жизни и ее действительным развитием в классовом обществе, но он не сомневался в том, что мера идеала может быть приложена к самой жизни. Современный идеализм ставит себе в заслугу мнимое освобождение человечества от этой меры, от бремени нравственной ответственности, от поисков общественного совершенства, хотя бы в мечте, как у Шиллера. «Идеалы — опасность!» — писал еще в XIX веке реакционный философ Ницше. Все куски жизни одинаково хороши, важно найти только удобную позу, создать искусственную дистанцию по отношению к реальности.

Что же такое, однако, «феномен рамы» без ложных комментариев Гартмана? Рама в живописи, рампа на сцене, отбор и некоторая доза условности во всяком искусстве — все это имеет свое значение для художника. Но вовсе не потому, что таким путем достигается «дереализация», устранение сходства между произведением искусства и предметом изображения. Наоборот, рама способствует концентрации, повышению чувства реальности до такой степени, которая невозможна в обычном наблюдении мира. И вообще всякая условность есть частный случай реального образа, а не наоборот.

В старых идеалистических системах (начиная с Платона) сходство между идеальным и реальным не подвергалось сомнению. Оно выступает здесь, можно сказать, в обратном порядке: идеальный мир стал прообразом реального, хотя на деле это вовсе не так. Современный идеализм в духе Гартмана отвергает именно наличие сходства между этими двумя мирами. Тем самым действительность лишается всякого внутреннего смысла, она становится иррациональной, а наше сознание приобретает характер чистой условности.

Вместо образов, отражающих реальную действительность, или идеальных прообразов, которые ей предшествуют, Гартман предлагает нечто третье — «онтологическую» теорию слоев, из которых складывается «структура предмета». Живопись состоит из холста и красок, а книга из бумаги и типографских знаков, которые служат «передним планом» для проявления «ирреального заднего плана». Передать содержание этой теории в кратких словах невозможно. Заметим только, что слово «предмет» в таком употреблении носит совершенно отвлеченный характер. Оно в равной степени может означать тень отца Гамлета и литр бензина. Особая позиция современной «онтологии» заключается именно в том, что идеальное и реальное для нее только два «способа бытия». Таким путем хотят заставить себя забыть проклятую разницу между нашим сознанием, с его беспокойными требованиями, и действительно существующим миром. Не трудно видеть, что в эстетике Гартмана стирается разница между картиной и реальным предметом. Картина — тоже предмет. Нечто подобное можно прочесть в декларациях многих художественных направлений двадцатого века.

Так называемая «онтология» Гартмана выдает себя за систему объективного мира. На самом же деле это весьма разработанная психологическая техника, посредством которой можно отвлечься от наиболее принципиальных вопросов теории и самой жизни. В своей призрачной объективности она напоминает то состояние полного равнодушия ко всему, которое воспитывают в себе герои современных западных романов. (В сущности, это тот же «феномен рамы», известный еще предшественнику Гартмана — Гуссерлю под именем «взятия в скобки»).

Пробраться сквозь лабиринт ходячих представлений философского и эстетического модернизма, чтобы понять действительный смысл книги Гартмана, не легко. Переводить такие книги нужно годы. Но стоит ли это труда? Пожалуй нет. Вспомните слова Ленина в последней главе «Материализма и эмпириокритицизма». Буржуазные ученые могут дать ценные специальные исследования, богатые фактическим материалом, но в общих вопросах теории им верить нельзя. Книга Гартмана представляет собой чисто умозрительную теорию. Фактов в ней мало, сведения не всегда достоверны. Автор, например, всерьез считает Аполлона Бельведерского (римскую копию с оригинала предэллинистической эпохи) произведением греческой скульптуры эпохи расцвета. Что же касается теоретических выводов его «Эстетики», то специалисты с большей пользой для себя могут познакомиться с ними в оригинале. Ведь изучение иностранных языков вполне доступно человеку средних способностей, если он не лодырь. А содержание специалистов, рассуждающих в духе г-жи Простаковой (зачем дворянину знать географию, если существуют извозчики?), обходится слишком дорого.

Мих. ЛИФШИЦ

Н. Гартман. Эстетика. Перевод с немецкого. Издательство иностранной литературы. Москва. 1958.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51. Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва. Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литератур народов СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты». Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б—02141

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.

Редакционная коллегия: Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.